

Синодальный отдел по монастырям и монашеству
Русской Православной Церкви

ПРЕЕМСТВО СВЯТООТЕЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В МОНАШЕСТВЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

XXIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ЧТЕНИЯ

Региональный этап

1 декабря 2014 года

Донской ставропигиальный
мужской монастырь г. Москва

П 71 ПРЕЕМСТВО СВЯТООТЕЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В МОНАШЕСТВЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. XXIII Международные Рождественские образовательные чтения. Региональный этап. – М.: Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, 2015. – 104 с.: ил.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви, составление, оформление, верстка, 2015

Святоотеческое предание в современном монашестве

1 ДЕКАБРЯ 2014 ГОДА ДОНСКОЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ мужской монастырь Москвы принимал участников регионального этапа XXIII Международных Рождественских образовательных чтений. Третий год на этом крупнейшем церковно-общественном форуме существует направление, посвященное вопросам монашества. И уже во второй раз Синодальный отдел по монастырям и монашеству в преддверии традиционных январских Чтений проводит собрания, на которых игуменам, игумениям, братии и сестрам ставропигиальных и епархиальных монастырей предлагаются доклады, раскрывающие различные аспекты претворения святоотеческого духовного наследия в истории и современной жизни Церкви и православного иночества.

Тема монашеского направления XXIII Рождественских чтений именно так широко и сформулирована: «Преемство святоотеческих традиций в монашестве Русской Церкви», и прозвучавшие доклады интересно расставили акценты на этом, в сущности, необъятном для изучения и осмысления пространстве.

После краткого приветственного слова архиепископа Сергиево-Посадского Феогноста, возглавившего Президиум собрания, выступил иеромонах Николай (Сахаров) с докладом «**О святоотеческом предании в современном монашестве на примере архимандрита Софрония (Сахарова)**».

Отец Николай, насельник Иоанно-Предтеченского монастыря (Эссекс, Великобритания), не впервые оказался на трибуне подобных ученых монашеских собраний – многие, вероятно, обратили внимание на его интересное выступление на XXII Рождественских чтениях. Пребывая уже четверть века в монастыре, созданном архимандритом Софронием (Сахаровым), храня драгоценный опыт нескольких лет близкого общения со старцем, отец Николай всегда щедро и искренне стремится донести свой опыт, свое пережитое и глубоко продуманное понимание удивительного феномена старческого руководства, воспитания личности монаха, явленного в трудах и жизни архимандрита Софрония. Впитавший живую святоотеческую традицию на Афоне, наученный непосредственно преподобным Силуаном Афонским тому, что есть божественное смирение, старец Софроний, как сказал отец Николай, поднял сознание монахов своего монастыря до того уровня, когда «свободой не злоупотребляют». Вероятно, все, кому доверено пасти души, желают этого для своих учеников и подопечных. Но единственным «инструментом», единственным методом старца была любовь. Любовь, осознаваемая на онтологическом уровне, как качество, присущее изначально Святой Троице. Первым же проявлением истинной любви является послушание.

Существенным дополнением к этим словам (ведь многие настроены воспринимать их как красивую риторику, не связанную с «суровой действительностью») прозвучал ответ на вопрос из зала: «Как избежать опасности подмены старцем – Бога». Иеромонах Николай сказал, что нельзя забывать: отношения старца и ученика – Таинство, где действует Бог, – в ответ на смиренное усилие человека. И понимание этого – одна

из важнейших составляющих *культуры старчества*, которой можно учиться, обращая взгляд не только на Афон, но и, например, на преподобного Серафима Саровского.

Архиепископ Святогорский Арсений (Яковенко) прокомментировал эти слова живым свидетельством того, как братия Свято-Успенского Святогорской обители (Донецкая епархия), возрождая монастырь и не имея возможности получать одно постоянное духовное окормление, осуществляла свою жизнь «по совету»: разрешая трудные вопросы у трех духовных наставников, каждый из которых сам являл собою образец смирения и послушания. «Круговая порука» смирения» – залог правильного духовного руководства, – заключил владыка Арсений.

Доклад «**Женское монашество на Руси**» игумении монастыря Рождества Богородицы (Ростов Великий) Афанасии (Силкиной), несмотря на скромно заявленную автором попытку «отметить лишь основные тенденции и особенности развития женских обителей и монашества в России», оставил впечатление очень серьезного, глубоко продуманного труда. Экскурсы в далекую историю (начиная с женских монастырей в Египетской пустыне и в первые века существования их на Руси) сопровождались жизнеописаниями выдающихся монахинь-подвижниц, историческими сведениями о создании и особенностях внутренней уставной жизни обителей. Подробно были рассмотрены причины роста или оскудения женских монастырей в разные исторические эпохи, социальный состав монашествующих женщин, характер несения послушаний. Автору удалось достичь главного: на обширном материале показать вклад русского женского монашества в развитие аскетической традиции.

Доклад игумении Викторины (Перминовой), настоятельницы московского Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря, в самом названии содержал некое полемическое зерно: **«Богослужение в монастырях: для братии или для паломников?»** Игуменья монастыря, стоящего в самом центре мегаполиса, вероятно, как никто иной, чувствует актуальность данного вопроса. Матушка Викторина с большой мудростью, с опорой на непреходящие основы, данные Святыми отцами, предложила взглянуть на эту проблему. Можно – утверждает она – смиренно принять неизбежное в такой ситуации сближение монастыря и мира и не поступиться при этом внутренней духовной жизнью, духовным ростом, которые зиждутся на молитве, во много раз превосходящей силы большинства простых паломников, желающих посещать монастырские богослужения.

Следование Уставу во все века приносило хорошие плоды, – сказала игуменья Викторина. Опыт Студийской обители, чей богослужебный устав ориентирован на совершение служб суточного круга, а также великопостных, в этом плане мог бы послужить примером для подражания современным монастырям. В Богородице-Рождественском монастыре, как и в некоторых других городских обителях, стараются совершать суточный круг богослужений для насельников отдельно от прихожан, за частью же служб те молятся вместе с сестрами – в соответствии со своими потребностями и силами.

Основной вывод доклада заключался в следующих словах: «Когда мы стремимся следовать Уставу, данному Святыми отцами, Господь устраивает наши дела, наше время и силы распределяются разумно, и их хватает на много полезных дел и начинаний».

«Возрождение литургических традиций в русских монастырях» – так звучала тема доклада иеромонаха Иова (Чернышова), насельника Николо-Угрешского ставропигиального мужского монастыря. При отсутствии напечатанного текста, это был, скорее, интересный, живой и поучительный рассказ. Поучительный – потому что давал пример, вероятно, самого правильного пути воссоздания монастырской жизни после десятилетий разрухи. Разрушение касается ведь не только стен, самое страшное – утрата памяти. И поэтому заслуживают уважения усилия, употребляемые насельниками Угрешской обители для того, чтобы восстановить праздничные богослужения, которые совершались именно в этом монастыре и были любимы народом. За нейтральным определением «локальная традиция» скрываются праздники, собиравшие тысячи богомольцев, свидетельствовавшие о силе благочестия и о любви к святыням, – как отмечавшиеся издревле в Угреше Рождество святителя Николая (11 августа, н. с.) и Явление образа Николая Чудотворца святому благоверному князю Димитрию Донскому (22 августа, н. с.), о которых рассказал отец Иов.

Заключительный доклад **«Сохранение и развитие традиций зосимовского старчества в Высоко-Петровском монастыре в 20–30-х годах XX века»** был сделан Еленой Григорьевной Балашовой, аспиранткой кафедры истории историко-филологического факультета Российского православного университета. Это было эмоциональное повествование о горькой и одновременно замечательной странице истории нашей Церкви в прошедшем столетии – о крупнейшей тайной церковной общине, существовавшей с 1923 по 1935 год в Москве и окормляемой последними старцами Зосимовой пустыни, которые нашли приют в Высоко-Петровском

монастыре, возглавляемом в то время владыкой Варфоломеем (Ремовым). Возможно, еще более удивительным явлением был тайный Знаменский скит (в Печатниковом переулке в центре Москвы), в котором подвизались монахини в миру – постриженицы преподобномученика Игнатия (Лебедева). Скит просуществовал до 1979 года.

Незримые для мира иноки и инокини истово, с огромной ответственностью несли свое служение. Как сказал по завершении доклада Его Высокопреосвященство архиепископ Феогност, – эти времена показали истинных носителей православного духа.

Конференции, организованные Синодальным отделом по монастырям и монашеству самостоятельно или в рамках больших церковных форумов, стали интересной приметой жизни современного отечественного монашества. В продолжение Регионального этапа Рождественских чтений Высокопреосвященнейший владыка Феогност не раз одобрительно отмечал «тональность» представленных докладов, которая была задана стремлением поделиться духовным переживанием, искренним неформальным отношением к святоотеческому преданию.

О святоотеческом предании в современном монашестве

на примере архимандрита Софрония (Сахарова)

Иеромонах Николай (Сахаров),
насельник Иоанно-Предтеченского
мужского монастыря (Эссекс, Великобритания)

Мое выступление будет, скорее, не докладом, а беседой о предании в современном монашестве – как мы видели это у отца Софрония в монастыре в Эссексе.

Само возникновение монастыря можно отнести к моменту встречи преподобного Силуана и архимандрита Софрония на Афоне. Когда отец Софроний приехал на Афон, он жил, как он сам говорил, в некоем «благословенном отчаянии» – поскольку пытался исполнить заповеди Христовы, исполнял все послушания, но, тем не менее, никак не мог достигнуть того, чтобы *сохранить* заповеди (см.: Ин. 14:15; 15:10).

Иногда ему казалось: ну как можно не осуждать в мыслях, не раздражаться... и так далее. Евангелие тогда предстало перед ним как некая утопия. И вот, прошло некоторое время, и пришел к нему отец Владимир, русский монах, и спросил: «Отец Софроний, как нам спастись?» И тогда отец Софроний, сам не зная

еще, что он говорит, сказал ему: «Ну, стой как бы на грани отчаяния. А когда неможется, отойди, выпей чашку чая». И предложил ему чашку чая.

На следующий день отец Софроний шел по монастырю и видит – идет старец Силуан. Отец Софроний с почтением, как младший, хотел уступить ему дорогу. Но Силуан прямо направился к нему и спрашивает: «Отец Софроний, у вас был вчера отец Владимир?» Отец Софроний сказал: «Да. Я не прав?» (Интересно, как развивается разговор между такими людьми: нет никаких промежуточных стадий, разъяснений – всё ясно, как слово Господне.) Старец Силуан ответил: «Нет. Но это не его мера». И затем сказал отцу Софронии: «Приходите, мы будем с вами говорить». И вот тогда Силуан отдал ему свои записки, и отец Софроний понял, с кем он имеет дело.

Что такое святоотеческое предание? Очень часто люди говорят: «Святые отцы, святые отцы...» Был такой случай на Афоне, с игуменом Мисаилом. Один старец приходит и говорит: «Игумен Мисаил, вы знаете, меня мой послушник просто доконал. Что я ему ни говорю, он в ответ: “А вот святые отцы так сказали, а вот святые отцы так сказали...” Тогда игумен Мисаил посоветовал: “Ну, скажи ему, что мы тоже не грешные...”»

Я думаю, что в этих словах игумена Мисаила заключается понимание, что такое предание. Предание не есть буква закона. Предание не есть написанный когда-то кем-то текст. Предание есть, прежде всего, предание жизни, предание *духа* самой жизни. Это мы видим у преподобного Силуана. И тогда святоотеческая традиция может быть передана через старца. Если дух жизни сохранен, тогда передается и вся традиция во всей ее полноте.

Это, конечно, проще было наблюдать на Афоне, поскольку Афон сохранил многовековую традицию монашества. Действительно, монашество передавалось из поколения в поколение. И до сих пор монашеские устои на Святой Горе позволяют говорить о живом святоотеческом предании. Иная ситуация, когда мы имеем дело с последствиями гонений, разрушений, когда всё приходится начинать с нуля. Но если наполнить монашеские обеты, так сказать, догматическим содержанием, если понимать их действительно в свете святоотеческой мысли, тогда возможно восстановление духа жизни. Возрождение происходит в духе, возрождение происходит в сердце самого человека, и рождается монашество.

На Афоне есть такая поговорка: «Все старцы святые, но мой старец святее всех». Я думаю, что в этом отношении и заключается полнота святоотеческого предания: в отношении к людям, отношении к старцу, прежде всего. И отец Софроний, и преподобный Силуан очень любили монашеские институты, очень почитали их. Всё свято, но если мы видим только форму и не видим содержания, которое заключено в этих святых формах, тогда жизнь наша не достигнет святости, хотя мы можем исполнить всё, что полагается уставом. Устав, или уклад жизни – для человека, а не человек для устава. Так это понимали преподобный Силуан, и отец Софроний, когда организовывал свой монастырь.

Прежде всего, я думаю, заслуга преподобного Силуана в том, что он сумел передать святоотеческое наследие современному монашеству через свой личный опыт жизни. Эти слова, которые сказал отец Софроний: «Стой как бы на грани отчаяния, но не отчаивайся. Когда неможется, отойди, выпей чашку чая» – напрямую соотносятся с тем, что открыл Господь преподобному

Силуану. Когда Силуан уже получил благодать, уже испытал ее действие, молился, он по-прежнему не мог избавиться от негативных явлений демонических сил и воздействия на его собственную душу. Тогда он взмолился и говорит: «Господи, почему так?» А Господь отвечает ему: «Гордые всегда так страдают». И он спрашивает: «Господи, Ты милостивый, – скажи мне, что мне делать?» И Господь сказал ему: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Я думаю, что эти слова, по крайней мере, как их понимал преподобный Силуан и позднее отец Софроний, стали кардинальными для целой эпохи, поскольку они открыли путь для многих современных людей, подавленных отчаянием, в том числе и монахов. Как отец Софроний написал: «открыли путь к вечности». Это был прорыв в вечность. Старец Силуан сам рассказывал: «Когда я стал так делать, мой ум очистился, и дух свидетельствовал душе спасение». И никакого другого свидетеля уже не надо было.

Странные слова – «держи ум свой во аде». О каком предании можно говорить? Обо всем святоотеческом предании. Прежде всего, это понятие смирения. Достаточно, как пишет преподобный Иоанн Лествичник, одного смирения, чтобы спастись, и одной гордости, чтобы погибнуть. Мы видим, что без этого откровения трудно нам понимать реакции даже Самого Господа в Евангелии. Как только Господа называли мессией, Он сразу говорил: *надлежит Сыну Человеческому пострадать и быть распятым* (см.: Мк. 8:30–31). Другой пример: приходит женщина помазать Его, воздать Ему царскую честь, и Он говорит: *Оставьте ее, она подготовила Меня к погребению* (см.: Мф. 26:6–13).

Смирение – божественное Христово смирение, – это то, чему научил современное монашество препо-

добный Силуан. Перед смертью он сказал отцу Софронию: «Я еще не готов. Я еще не смирился». Смирение, о котором он говорил, есть не просто аскетическое смирение, когда человек считает себя хуже всех, почитает себя первым грешником, – нет. Христово смирение – это дар благодати, это онтологическое состояние человека. Господь Сам сказал: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:29). Я думаю, что это стало основой не только аскетической жизни, но и богословия отца Софрония, который сказал, что Бог есть смирение.

На этом строилась вся жизнь монастыря. У нас в монастыре минимальный устав: Иисусова молитва, Литургия, трапеза общая, беседы. Всё остальное, так называемое «правило», отец Софроний оставлял на усмотрение каждого человека – конечно же, по благословению духовника. Как-то раз отца Софрония спросили: «А какой у вас устав?» Он ответил: «У нас один устав – поучаться закону Господню день и ночь».

Я думаю, что, конечно, та духовная свобода, которую отец Софроний дал своему монастырю, таит опасность. Конечно же, ею можно злоупотреблять. Но большая заслуга отца Софрония в том, что он сумел поднять сознание своих монахов до того уровня, когда этой свободой уже не злоупотребляли. Люди, действительно, сознательно, по совести, старались исполнить волю старца.

Старец никогда не требовал послушания. Он редко говорил об этом. Но помню, что когда я приехал в монастырь 25 лет назад, меня поразила совершенно особая атмосфера: все монахи искали того, чтоб исполнить волю старца. Не ради того, чтобы угодить ему, нет. Человекоугодничества не было и в помине, а было искреннее желание из-за любви к нему исполнить его

волю. И не нужно было говорить о послушании, потому что все само собой делалось. Действительно, когда мы кого-то любим, искренне любим, первое проявление любви это и есть послушание. Желание исполнить волю своего наставника, своего старца, любимого человека. И старец поэтому никогда не прибегал к насилию. Он говорил: «Всё, что достигну насильем, не способно устоять в вечности. Это всё погибнет».

Я хотел бы прочитать некоторые высказывания отца Софрония о послушании, поскольку это очень важный вопрос, и монашеское послушание отец Софроний всегда рассматривал догматически: «Послушание не есть дисциплина, послушание есть любовь». «Послушание есть выражение сущности Самой Святой Троицы, где мы видим, что все Лица Святой Троицы проявляют желание исполнить волю другого, – не свою, но волю другого». Отец Софроний говорил, что мы созданы по образу Святой Троицы. Те, кто посетят наш монастырь, без сомнения, обратят внимание, что самая большая фреска в трапезной – это копия иконы Андрея Рублева «Троица», но отец Софроний подписал икону цитатой из Книги Бытия, где Бог говорит: *сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему* (Быт. 1:26).

Отец Софроний пишет, что монашеское послушание тесно связано с понятием о личности, которое проистекает из откровения о нашем Боге и Первообразе – Святой Троице, где каждая Ипостась является носителем всей полноты бытия. Уклонение от этого принципа приведет к осознанному или неосознанному исканию чего-то сверхличного. И тогда будет преобладать общее над частным. И послушание в таком случае будет требоваться не по отношению к человеку, а по отношению к закону, к правилу, к функции, институции.

При таком безличном подходе к устройению монашеской жизни теряется подлинный смысл Евангельского послушания, заключенный в заповедях Христа, на место его вступает дисциплина. Последнее неизбежно и даже необходимо для координации совместной жизни в данном интеллектуальном, моральном, духовном состоянии людей. Всё не должно переходить известные границы, иначе совершенно потеряется и смысл, и цель самой христианской жизни.

Как достичь такого послушания? Отец Софроний достигал этого через личное отношение к человеку. Он нам заповедовал в своих беседах: «Вам необходимо сохранить восторг перед каждой человеческой личностью, чтобы сохранить вдохновение монашеской жизни». И действительно, при таком отношении, когда ты разговариваешь со старцем и чувствуешь, что старец готов отдать тебе всё, и единственное, о чем он думает, – это твое спасение – *твое*, никаких личных интересов нет, конечно, сердце открывается; конечно, хочется и слушаться, и слушать, и слышать. Тогда наступает то, что можно назвать синергией, симфонией двух волей. И это есть дар, который старец вымолил у Бога. Дар, который сродни дару Пятидесятницы, дар *языков*.

Найти язык общения с другим человеческим сердцем – это особый дар, которым должен отличаться каждый наставник. Каждый, кому вверена паства Христова. Я думаю, что вряд ли можно породить любовь силой, смирение – насильем. Истинное смирение рождается через любовь. Отец Софроний говорил, что если монашество не будет учить нас любви, тогда он не знает, какое оправдание найти этому образу жизни.

Женское монашество на Руси

Игуменья Афанасия (Силкина), настоятельница Рождества Богородицы женского монастыря (Ростов Великий)

«Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспламеняюсь сердечною ревностью достигнуть той цели, для которой Дух Святой установил в Церкви монашество. Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединит его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя царей – когда Он призывает человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святого Духа освобождает его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства...»

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

История женских православных монастырей в России как в средние века, так и в новое время, почти не разрабатывалась российскими учеными. В историографии XIX–XX веков, в том числе в исследованиях последнего десятилетия, существует довольно много

работ, посвященных истории отдельных женских монастырей и общин, а также жизнеописанию наиболее известных представительниц женского монашества, в том числе старчества.

Пока не представляется возможным дать полную картину истории женских монастырей и монашества на протяжении всего периода их существования. Многие проблемы, такие как юридическое и экономическое положение женских монастырей, их социальный состав, типология монастырей (общежительные и обособительные, аристократические и крестьянские, городские и сельские, миссионерские, молитвенные и благотворительные и т. д.), их духовная жизнь, женское старчество требуют серии исследований по различным периодам, основанных на тщательном изучении архивных фондов, летописного материала, законодательных и статистических документов, эпистолярного наследия, различного рода жизнеописаний, преданий и других источников.

Данная работа представляет собой попытку отметить лишь основные тенденции и особенности развития женских обителей и монашества в России. Представлена история наиболее известных монастырей, а также названы имена выдающихся монахинь-подвижниц.

О происхождении монашества

Все Святые отцы и учителя Церкви утверждают, что монашество ведет свое начало от времен апостольских и даже еще раньше, от времен Самого Иисуса Христа.

Святитель Василий Великий говорит, что «образ монашеского общежития есть истинное подражание образу жизни Господа Иисуса Христа с Его учениками».

Как Иисус Христос, собрав вокруг Себя лик учеников, жил с ними отдельным обществом, так и монахи, живя совокупно отдельными обществами под руководством своего игумена, поистине подражают Спасителю и апостолам, если только свято и разумно хранят правила жития.

Проповедь апостольская, имевшая целью распространение христианской веры на земле, сама собою соделалась и источником аскетического духа. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Небесный огонь, принесенный на землю Богочеловеком (*Огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорется* (Лк. 12:49)), возгорелся в сердцах людей, воспламенил в них жизнь новую, оживотворил их дух, подавленный чувственностью, и воскресившая им свобода ума восчувствовала потребность и силу воспрянуть от дольного к горнему».

Чем сильнее возгоралась эта искра, тем сильнее ощущалась потребность высвободиться от опутывающих душу тенет мирской жизни и предаться уединению для беспрепятственного внимания *единому на потребу* (Лк. 10:42).

Общий, необходимый для каждого христианина путь ко спасению вечному есть исполнение заповедей Божиих, как Сам Господь сказал богатому юноше: *Аще ли хочещи внити в живот, соблюди заповеди*, но вслед за тем, в ответ на слова его: *Вся сия сохраних от юности моея*, прибавил: *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди в след Мене* (Мф. 19:17, 20, 21).

Эти слова Спасителя повлекли за собою многих, желавших духовного совершенства. После окончания гонений на Церковь, первые из них – Антоний Великий, Макарий Египетский, Пахомий Великий и их подража-

тели, стремясь к очищению своего сердца исполнением заповедей Христовых, поняли, как пишет святой ава Дорофей, что, находясь в мире, они не могут удобно совершать добродетели и измыслили свой особенный образ действия – монашеский, и начали убежать от мира и жить в пустынях.

Не только мужи, но и жены достигали равной степени подвижничества, показывали изумительные примеры самоотверженности и сподоблялись великих даров благодати. Небесный огонь, принесенный Спасителем на землю, возгорелся и в сердцах более слабых созданий – женщин и породил в них великое пламя любви Божественной, пожегшее и превратившее для них в ничто всё земное и временное.

Святитель Иоанн Златоуст говорит об этом: «В начале христианства в стране Египетской является чудное воинство Христово, ведущее образ жизни, свойственный лишь горным силам; и является оно не только в мужах, но и женах, которые не менее мужей любомудрствуют. Как великие подвижницы, они вступают в брань духовную с диаволом и властями тьмы; естественная слабость их вовсе не служит к тому препятствием. Если они не обладают крепостью сил, то, как бы взамен того, одарены более живым чувством и восприимчивостью».

Пламеня любовью к Господу, твердо их произволение и решимость на все лишения и трудности ради Сладчайшего Иисуса. Их живое чувство и пламенная любовь дают им силу и мужество проходить путь подвижничества, столь же суровый и строгий, как и у подвижников-аскетов: *несть мужеский пол, ни женский: вси... едино... о Христе Иисусе* (Гал. 3:28).

Премудрый наставник иноческой жизни святой Иоанн Лествичник говорит: «Все усердно оставившие

жителейское, без сомнения, сделали это или ради будущего Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения»¹.

Египетская пустыня была рассадником женского монашества, как и мужского.

Преподобный Павел Фермейский поведал авве Макарию, что знал он одну девственницу-пустынницу, которая в течение тридцати пяти лет пребывала неисходно в своей пещере, вкушая пищу лишь в субботу и воскресенье.

В Александрии и ее окрестностях жило много девственниц, из которых одни жили вместе, а другие отдельно в келье или пещере, или даже совсем заключались в гробницах и пребывали неисходно до самой смерти, принимая пищу чрез оконце или отверстие. Такова была преподобная Александра, о которой пишет знаменитый историк Дидим, что пожила она в гробнице неисходно лет десять, сама себя приготовила к исходу из сей жизни, получив извещение о часе кончины своей.

Палладий говорит, что святитель Афанасий Великий во время гонения от ариан шесть лет укрывался у одной девственницы-пустынницы (Синклитикии); она сама служила ему во всем, добывая книги и всё нужное.

Он же, Палладий, епископ Елеонопольский, указывает и еще одну девственницу-пустынницу, проведенную в затворе безысходно шестьдесят лет. Пред кончиною ей явился святой мученик Колуф и предсказал время ее отшествия и блаженную участь².

Когда преподобный Антоний Великий вознамерился удалиться на совершенное безмолвие, то, чтобы

окончательно освободиться от всякого земного попечения, малолетнюю сестру свою отдал на попечение «девственницам, особо живущим, Христу уневествившимся»³. Из сего видно, что еще в начале удаления преподобного Антония из мира, женское отшельничество уже существовало.

В Житии преподобного Исидора Странноприимца упоминается, что сестры его жили в общежительной обители, состоявшей из семидесяти дев.

Царицы и царевны оставляли свои роскошные покои и несметные богатства, предпочитая им суровую пустыню и произвольную нищету: Аполлинария, дочь Римского императора, Евгения, Евпраксия, Олимпиада, Ксения и множество им подобных любомудрых дев, имена коих знает один Всеведец, ради Которого они подвизались.

Уже со времени Пахомия Великого существовали некоторые особенности в организации женских монастырей. Так, для духовного руководства и экономических потребностей женского монастыря в мужском монастыре избирался старец, который имел свободный вход в монастырь. От него зависели и прием в обитель, и монастырские порядки, и содержание инокинь. Настоятельница должны были лишь поддерживать эти порядки⁴.

Более подробно регламентировал жизнь в женских монастырях святитель Василий Великий. Он, подобно Пахомию, также возлагал попечение о женских монастырях на мужские монастыри. Внутреннее управление полностью принадлежало настоятельнице, если священник монастыря что-нибудь приказывал сестрам без ведома настоятельницы, то она была вправе «негодовать на это». В своем уставе святитель Василий Великий подробно перечисляет те грехи, за которые

на сестер возлагалась епитимья (на срок 1–2 недели): злословие, празднословие, отлучение из монастыря и свидания без разрешения, оскорбления сестер и т. д.⁵.

Для женщин, как и для мужчин, существуют три ступени иноческого жития: рясофор, мантия и схима⁶. Ранний возраст пострижения для женщин был определен Василием Великим: 16–17 лет (правило 18). Трулльский собор (правило 40) назначает для женщин и мужчин единый возраст пострижения – не ранее десяти лет⁷. В синодальную эпоху в России государственное законодательство разрешало постригать мужчин не ранее тридцати лет, а женщин – сорока лет⁸.

Женские монастыри на Руси в XI–XVII веках

Обращение к истории женских монастырей и женского монашества первых веков их существования на Руси сталкивается с определенными трудностями. Вплоть до XVII века включительно по этой теме мало источников: в основном это летописный, актовый и законодательный материалы, а также несколько жизнеописаний святых преподобных – Евфросинии Полоцкой, Евфросинии Суздальской, великой княгини Евдокии и др. Кроме того, практически отсутствует один из основных источников по истории монастырей – это книги, написанные монахинями.

До сих пор невыясненным остается вопрос о возникновении женских монастырей в Киевской Руси. Первое летописное известие об основании женского монастыря относится к 1089 году. В этом году для своей дочери, внучки Ярослава Мудрого, Анны (Янки) князь Всеволод Ярославич основал Андреевский монастырь⁹, в котором была создана первая известная в истории школа для девочек: Янка «собраши младых девиц,

неколько обучала писанию, также ремеслам: пению, швению и иным полезным им занятиям. Да от юности навикнут разумети закон Божий и трудолюбие, а любострастие в юности воздержанием умертвят»¹⁰.

Вместе с тем, очевидно, что женские монастыри существовали в Киеве уже в первой половине XI века. Так, в Житии Феодосия Печерского сообщается о пострижении его матери в монастыре при церкви Святителя Николая, построенной княгиней Ольгой на могиле Аскольда (северо-западнее от Берестова на месте впадения р. Чертыры в Днепр)¹¹.

По подсчетам Е.Е. Голубинского, всего в домонгольский период насчитывалось 70 монастырей, из них только 12 были женскими¹². В исследовании М.И. Белхой эти сведения уточняются до XIV века: Киев – 4; Новгород – 10; Полоцк – 1; Владимир Суздальский – 1; Ростов Великий – 1.

По данным, опубликованным в переиздании «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), за период с 988 по 1240 год было основано 116 монастырей, из них только 22 монастыря были женскими (около 19 %) ¹³. В монгольский период из основанных 276 монастырей только 37 было женских (около 13 %) ¹⁴.

Женщины принимали активное участие в основании женских монастырей. Так, с именами трех женщин-основательниц связаны монастыри в Новгороде. В 1197 году, по благословению владыки Мартирия, вдова новгородца Полюда (и, возможно, дочь посадника Жирослава основала Евфимиев Благовещенский монастырь на Торговой стороне Новгорода в Плотницком конце города¹⁵. В 1238 году вдова посадника Семена Борисовича, убитого горожанами во время мора, основывает женский монастырь при церкви святого Павла, построенной в 1224 году ее мужем.

Жена князя Ярослава Владимировича (княжил в Новгороде в 1181–1199) в 1199 году, в связи со смертью своих сыновей, основала женский монастырь Рождества Богородицы на Михалице.

Успенский монастырь во Владимире был основан на рубеже XII–XIII веков женой князя Всеволода Юрьевича княгиней Мариею, которая постриглась в монахини, возможно, в связи с продолжительной болезнью (7 лет). Для своей обители она приобрела участок земли. (В этой же обители она и похоронена.) Успенский Княгинин монастырь еще при жизни его основательницы становится усыпальницей женщин из рода Мономаховичей во Владимир-Суздальской земле: в нем были похоронены сестра княгини – супруга новгородского князя Ярослава Владимировича, дочь Марии – княжна Елена Всеволодовна (1205), вторая жена Всеволода Юрьевича Любовь, две супруги и дочь Александра Невского, внука Всеволода¹⁶.

Княгиня Мария, жена Ростовского князя Василька Константиновича, погибшего в марте 1238 года, став вдовой, основала монастырь у озера Неро¹⁷. Софья Витовна – мать Василия Темного также основала монастыри¹⁸.

Наибольшую известность приобрели святые преподобные Евфросиния Полоцкая и Евфросиния Суздальская, чьи жизнеописания сохранились.

Преподобная Евфросиния Полоцкая, в миру Предслава (Предислава), принадлежит роду полоцких князей, происходивших от сына Владимира и Рогнеды – Изяслава. Ее отцом был полоцкий князь Георгий Всеславич. Евфросиния родилась в 1101 году. Двенадцати лет была пострижена в монастыре. Решение она приняла после беседы со своей теткой – игуменией. В монастыре в Полоцке Евфросиния живет в келье,

встроенной в стену церкви Святой Софии. В 1128 году Евфросиния основывает свою обитель при церкви Спаса на Сельце. Она постригает свою сестру Городиславу (в постриге – Евдокию), а после смерти своего дяди Бориса Всеславича – свою двоюродную сестру Звениславу (в постриге – Евпраксию). В 1150 году Евфросиния строит церковь во имя Пресвятой Богородицы, при которой основывает мужской монастырь. Для этого храма Евфросиния посылает в Константинополь своего слугу Михаила, с тем чтобы приобрести одну из трех икон, написанных, по преданию, евангелистом Лукой – Эфесскую икону Одигитрии. Помимо иконы, Михаил привез знаменитый крест-реликварий, выполненный по заказу Евфросинии мастером Лазарем Богшей в 1161 году¹⁹. Крест исчез во время Второй мировой войны²⁰.

Устроив монастыри, Евфросиния отправляется в Иерусалим с двоюродной сестрой – монахиней Евпраксией и братом Давидом. По дороге она была встречена императором Мануилом и получила благословение патриарха. Умерла Евфросиния в русском монастыре 24 мая 1173 года и похоронена в Иерусалиме. При этом Житие сообщает любопытный факт, что перед отъездом в Иерусалим игуменьей двух основанных ею монастырей – женского Спасского на Сельце и мужского Пресвятой Богородицы – она оставила свою сестру Евдокию²¹.

Преподобная Евфросиния Суздальская, в миру Феодулия, родилась в 1212 году и была дочерью великого князя Михаила Черниговского. Отец дал ей хорошее образование: ее учителем был боярин великого князя Феодор – «бе бо тои мудр зело». В пятнадцать лет Феодулию сосватали князю Мине Ивановичу Суздальскому, но перед свадьбой он неожиданно умер. Феодулия

решает не возвращаться в Чернигов и принимает постриг в Ризоположенском монастыре в Суздале (1227). Евфросиния Суздальская никогда не была игуменией; первоначально она приняла клиросное послушание, а известность приобрела своими духовными наставлениями и поучениями: «...мнози прихожаху с дщерми своими Еуфросинии молитвы ради, насладитися медоточных тоя словес...» Осуществляя духовное руководство обителю, Евфросиния разделила монастырь на две части. В одной из них постригались только девицы, а в другой – вдовы. Для последних был построен особый храм Пресвятой Троицы, и образовалось два монастыря. Этот редкий принцип разделения девичьего и женского монастырей был возрожден в XIX веке в Дивеевском монастыре преподобным Серафимом Саровским. Евфросиния преставилась в 1250-х годах. После ее кончины Ризоположенский монастырь потерял былую известность²².

В XIII веке в Суздале появился Александровский монастырь, пользовавшийся покровительством суздальских князей, а в XIV веке – знаменитый впоследствии Покровский монастырь, где находилась в заточении Соломония Сабурова, первая жена Василия III. В нем приняли постриг супруги казненных Иваном Грозным бояр Горбатых, Ногтевых и др., а в 1698 году в число инокинь была принята царица Евдокия Лопухина (жена царя Петра I).

В период с 1448 по 1589 год число монастырей активно росло: из основанных 494 новых монастырей 68 было женских. В число 68 включено 7 монастырей, преобразованных из мужских в женские, один – из женского в мужской и один – двойной²³. В XVII веке женские монастыри составляют одну пятую часть всех монастырей (651 монастырь, в том числе 139 – женских)²⁴.

В период монастырской реформы в XIV веке первым общежительным монастырем в Москве становится Алексеевский монастырь, основанный митрополитом Алексием в 1367 году по просьбе его сестер²⁵. Первой его игуменией стала Иулиания (†1393). Известно, что за первые тридцать лет существования в нем было собрано 90 сестер. По образцу Алексеевского монастыря был устроен другой монастырь в Москве – Рождественский. Основательницей монастыря была Мария (в иночестве Марфа) – мать Владимира Храброго (†1390)²⁶. Общежительные монастыри основывались не только в Москве, ставшей в этот период центром духовной власти. Так, в Нижнем Новгороде княгиней Василисой, в иночестве Феодорой, супругой нижегородского князя Андрея Константиновича, был основан общежительный Зачатьевский монастырь.

Большой известностью в этот и последующие периоды пользовался Вознесенский монастырь в Московском Кремле (примыкал к Чудову монастырю), находившийся под покровительством великокняжеской и царской власти. Он был основан вдовой святого благоверного князя Дмитрия Донского великой княгиней Евдокией в 1387 году. В этом монастыре она приняла иноческий постриг с именем Евфросинии в год своей смерти (†1407). Вознесенский монастырь был основан как общежительный. Он известен тем, что в нем находилась усыпальница женщин – членов великокняжеской семьи. В нем были захоронены: Софья Витовтовна (†1453) – супруга великого князя Василия Дмитриевича (старшего сына Дмитрия Донского) и мать Василия Темного; Мария Ярославна (†1484) – супруга великого князя Василия Темного и мать Ивана III; обе супруги Ивана III – Мария Борисовна (†1467) и Софья Фоминична Палеолог (†1503); княжна Елена

Глинская (†1538) – вторая жена великого князя Василия Ивановича, мать царя Ивана Грозного; жены царя Ивана Грозного, в том числе Мария Нагая (в иночестве Марфа; †1611); жены его сыновей, царевны и многие другие. Инокиней монастыря была Мария Петровна (в иночестве Елена), вторая супруга царя Василия Шуйского. После прекращения династии Рюриковичей в усыпальнице были захоронены царицы и царевны дома Романовых. Некоторые из них были инокинями этого монастыря. В основном в Вознесенском монастыре постригались женщины из аристократических семей. В списке игумений – фамилии Мстиславских, Голицыных, Сабуровых, Ромодановских и других известных дворянских родов. После реформы 1764 года это был первоклассный общежительный монастырь. В XVII веке в нем числилось около 160 сестер; в XVIII – 200; в XIX – 300²⁷.

Другим монастырем, пользовавшимся особым царским покровительством и игравшим важную политическую роль, являлся Новодевичий монастырь в честь Смоленской иконы Божией Матери, основанный в 1524 году великим князем Василием Ивановичем по обету после того, как был возвращен Смоленск. Первой игуменией в нем назначили Елену (Девочкину), которую привезли по изволению великого князя из суздальского Покровского монастыря в 1525 году, а скончалась она 18 ноября 1547 года. Сохранилась ее духовная грамота, которая представляет собой своего рода монастырский устав. В ней приведены цитаты из Священного Писания, святоотеческих творений, Скитского патерика, что подчеркивает начитанность автора в церковной книжности. В духовной даны наставления сестрам, главным из которых является «послушание и покорение во всем ко игуменье». Заповедовалось благочестивое поведе-

ние, недопустимость опоздания на церковную службу, хождения по церкви, бесед и «шептания» во время службы, запрещался вынос книг из церкви без благословения книгохранителя. Указывалось на необходимость проявлять особую заботу о церковном пении. Трапеза и работа должны были сопровождаться молчанием и молитвой²⁸. Однако общежительный устав, завещанный первой игуменией, не соблюдался. В Новодевичьем монастыре постригались представительницы царской семьи, а также известных княжеских и боярских родов (Шереметевы, Воротынские, Голицыны и т. п.). Некоторые из стариц, представительниц правящей династии, могли владеть и владели недвижимостью, собственными кельями, жилыми и хозяйственными постройками в подмонастырской слободке. В то же время продолжала существовать общая трапеза, распорядок общих служб; натуральный и денежный доход с монастырских вотчин поступал в общую казну.

Обитель поддерживали и великий князь Василий III, и его сын, царь Иван IV. Монастырские села в большом количестве находились в различных уездах: Дмитровском, Рузском, Владимирском, Ростовском, Верейском, Звенигородском, Вяземском, Московском и т. д.). Большое количество вкладов монастырь получил от Бориса Годунова. Как известно, одной из инокинь монастыря была его сестра Ирина (в иночестве Александра) – вдова царя Феодора Иоанновича. Для нее специально была построена отдельная келья с церковью («Иринины покои»), а ее «обиход» обслуживали десятки дворян, приказных и слуг. Цари из дома Романовых также способствовали процветанию монастыря своими вкладами, вотчинами. Инокинями монастыря стали три дочери царя Алексея Михайловича, жена Петра I – Евдокия Лопухина, его сестра – царевна Софья. Их гробницы находятся в монастыре²⁹.

Важной особенностью Новодевичьего монастыря было то, что во время польско-литовского нашествия, во время ногайских набегов и для защиты от крымских татар он одновременно служил крепостью. Так, в 1616 году для обороны в нем находилось 353 человека, а в 1633 году – 128 человек.

Необходимо сказать, что с начала появления и вплоть до XIX века женские монастыри, как и мужские, также несли функции наказания, в частности, за отдельные уголовные преступления. Так, в «Уставе князя Ярослава» за рождение внебрачного ребенка, а также в случае выхода замуж за неразведенного с первой женой. Там будет указано, что женщину ждало заключение в «доме церковном». Я.Н. Шапов в комментариях к публикации «Устава» в издании «Российского законодательства» определяет значение термина «церковный дом» как «монастырское учреждение для отбывания церковного наказания»³⁰.

Наиболее известны случаи пострижения в монастырь, связанные с различными политическими событиями. В 1205 году галицко-волынский князь Роман Мстиславич насильно заставил совершить постриги своей жены, дочери, тестя и тещи. В более поздний период пострижение по политическим мотивам было довольно частым явлением. Насильственно пострижены были уже упомянутые царицы Соломония и Евдокия, вдовы казненных царем Иваном Грозным опальных князей и бояр.

Воскресенский Горицкий женский монастырь (Вологодская область, Кирилловский район) называют монастырем опальных княгинь. С 1564 года в нем жили вдова Андрея Ивановича Старицкого Евфросиния Владимировна (в иночестве Евдокия) и княгиня Иулиания Дмитриевна, урожденная княгиня Полоцкая, су-

пруга князя Юрия Ивановича, родного дяди царя Ивана Грозного. Игуменьей в то время была Анна из рода князей Щенятевых. Имя княгини Евфросинии Старицкой связано с замечательными произведениями золотошвейного искусства, которые изготовлялись в ее мастерской. Она руководила работой мастериц и вышивала сама. Драгоценными плащаницами, воздухами и пеленами княгиня одаривала монастыри и храмы.

В 1569 году княгиня Евфросиния была схвачена в Горицком монастыре и, по приказанию царя Ивана Грозного, утоплена в реке Шексне вместе с инокиней Александрой (княжной Иулианией Дмитриевной), княгиней-инокиней Марией и игуменьей Анной. Монастырское предание гласит, что они были посажены на богато украшенное судно, нагруженное камнями, которое пошло ко дну недалеко от берега. Тела страдалиц были найдены плывущими против течения, взяты и погребены с честью за алтарем Воскресенского собора. Впоследствии на месте погребения была устроена часовня. Княгини-мученицы весьма почитались местными жителями за подвижническую жизнь, христианские добродетели и страдальческую кончину.

После этого события Воскресенский монастырь на долгие годы становится местом ссылки. По воле Грозного царя в Горицы была направлена его супруга Анна Колтовская (в монашестве Дарья), ставшая впоследствии игуменьей обители. Жила здесь и последняя супруга Ивана Грозного Мария Нагая (в постриге Марфа). На ее средства к Воскресенскому собору был пристроен придел великомученицы Екатерины и царевича Димитрия Угличского – святого сына царицы Марии. Много других знатных женщин видели стены Горицкого монастыря. Среди них супруга царевича Иоанна – Пелагия Михайловна; дочь царя Бориса Годунова –

царевна Ксения; княгини Агафья Кайбулина; Ирина Мстиславская; Анна Голицына; Елена Масальская, и другие. Жила здесь княгиня Черкасская со своим племянником, будущим царем Михаилом Романовым. В XVIII веке здесь жила в заточении княжна Екатерина Долгорукая – невеста императора Петра II; Варвара Арсеньева – свояченица А. Меншикова; жена генерал-прокурора Сената А.Ф. Ягужинская.

Однако не всегда только политические мотивы, преследование и заточение оказывались причиной появления в этой обители знатных особ. По своему строению иноческой жизни и строгому уставу Горицкий монастырь стал широко известен, и множество женщин всех сословий искали в нем спасения в подвигах иноческого труда и безмолвия. В 1816 году в обитель поступила вологодская дворянка Александра Алексеевна Клементьева (в монашестве Агния), принеся в дар бедной тогда обители свое громадное состояние. Она стала первой помощницей игумении Маврикии в хозяйственных делах. Вместе с нею в обитель поступили три ее дочери. Воспитанные в роскоши, они усердно исполняли возложенные на них даже самые тяжелые и грязные работы. Старшая из них, в монашестве Арсения, стала преемницей игумении Маврикии, вторая – Аркадия – украшала обитель иконами своего письма. Младшая из сестер, Раиса (в постриге Асенефа), поступившая в обитель четырнадцати лет от роду, приняла на себя великий подвиг юродства Христа ради и отличалась высокими духовными дарованиями. Мать Асенефа проводила жизнь в непрестанной молитве, посте и лишениях, имела дар прозорливости и благодатной молитвы. Умерла она, предсказав день своей кончины, на 93-м году жизни.

В 1818 году в Горицкий монастырь поступила вдова погибшего генерала Готовцева, Александра Сергеевна, в монашестве Феофания. Она стала правой рукой настоятельницы во всех ее делах, а в 1845 году была вызвана в Петербург для устройства Воскресенского Новодевичьего монастыря и стала его первой игуменией. В Воскресенском Горицком монастыре приняли иноческий постриг две родные сестры вологодского уроженца, преподобного Пимена Угрешского. Стремление к жизни богоугодной объединяло женщин разных сословий, воспитания и образования³¹.

Необходимо сказать несколько слов о так называемых двойных монастырях, которые существовали вплоть до начала XVIII века. Возможно, что в практике монашеского строительства как греческого, так и русского подобные монастыри были не редкостью. Об этом свидетельствует 123-я новелла императора Юстиниана (VI век): «Ни в каком месте нашей империи не дозволяем монахам и монахиням жить в одном монастыре или быть так называемым двойным монастырем». Вместе с тем Е.Е. Голубинский отмечает, что церковное законодательство очень странным образом реагировало на создание двойных монастырей. Так, он приводит правило VII Вселенского Собора, который, с одной стороны, предписывает «не быти отныне монастырям двойным, потому что сие бывает соблазном и преткновением для многих». С другой стороны, разрешает остаться таким монастырям, «прежде бывшим»³². Он же предполагает, что двойной монастырь представлял собой монастырь, разгороженный внутренней стеной на две половины: одна была заселена монахами, другая – монахинями. Е.Е. Голубинский высказывает также мнение, что женские монастыри могли возглавляться игуменом³³.

К так называемым двойным монастырям в России относились:

- 1) Спасский на Бору в Москве³⁴;
- 2) Хотьков монастырь, приписной к Троице-Сергиевому монастырю³⁵;
- 3) Лазаревский Городецкий;
- 4) Вознесенский в городе Козельске Калужской губернии. До 1499 года инокини жили совместно с иноками Введенской Оптиной пустыни³⁶;
- 5) преподобный Дионисий Глушицкий устроил в двух верстах от своей обители обитель инокинь во имя святого Леонтия и поставил над ними в игумены – старца³⁷;
- 6) Шунгский Николаевский Ильинский (в Олонецкой губернии);
- 7) Покровский в городе Туринске Тобольской губернии до 1624 года, когда, по приказанию архиепископа Киприана, иноки переведены в Николаевский монастырь в Туринске³⁸;
- 8) Рождественский в городе Олонце;
- 9) Покровский в городе Юрьеве.

Двойные монастыри были осуждены Соборами 1504 и 1551 годов.

Вполне возможно, что духовником в женском монастыре мог быть игумен мужского монастыря, но он не имел права возглавлять женскую обитель. Архиепископ Новгородский Макарий осуждал тот факт, что во главе женского монастыря стоял игумен, а не игуменья: «отвести игуменов в мужские монастыри, а черницам дать игумений»³⁹.

Некоторые из женских монастырей часто являлись приписными к мужским: Ивановский Емецкий в Архангельской губернии Холмогорского уезда зависел от Антониева Сийского монастыря; Солотчинский Зача-

тьевский (святой Анны) в Рязани – от Большого Солотчинского мужского монастыря; Успенский Богородицкий упоминается в 1561 году как приписной к Троице-Сергиевой Лавре; Николаевский на Валухе в 1623–1648 годах зависел в своем существовании и управлении от Спасо-Прилуцкого монастыря⁴⁰; Введенский Богородицкий Тихвинский монастырь до 1604 года зависел от Тихвинского Богородицкого мужского монастыря; Богоявленский в Костроме с 1863 года являлся приписным к Анастасиину мужскому монастырю.

Женские монастыри в XIII – начале XX века

Изменения в отношениях Церкви и государственной власти в синодальный период неизбежно сказались и на развитии монастырей в целом. Созданный в 1701 году Монастырский приказ, которому было передано управление монастырскими вотчинами, фактически осуществил секуляризацию: доходы с вотчин собирались в казну, а монастырям выдавалось содержание. В дальнейшем право управления вотчинами было возвращено духовенству, но большая часть доходов продолжала поступать государству⁴¹.

По статистическим данным, приведенным Я.Е. Водарским, в 1700 году мужских монастырей было 924, женских – 229, что составляло одну пятую часть от общего числа монастырей⁴². Женские монастыри были более населенными, чем мужские. В 1724 году в мужских монастырях насчитывалось 14 534 насельников (монахов и послушников), а в женских 10 673 (монахинь и послушниц), в 1738-м, соответственно – 7829 и 6453⁴³. Монашествующих мужчин на протяжении всего XVIII века было больше, чем монашествующих женщин. Многие женские монастыри, будучи более

многочисленными, чем мужские, и зачастую не обладавая земельной собственностью, были крайне бедными и получали дотацию от государства. Даже владение вотчиной не гарантировало безбедное существование монастыря. «Дача» в мужские монастыри в количественном отношении была выше, чем в женские. Так, по одной из ведомостей «дачи Монастырского приказа», за 1722 год в 52 мужских монастыря, в которых насчитывалось 1940 монашествующих, было отпущено из Монастырского приказа 12 232 руб. 25 с половиной коп., а в 15 женских монастырях, в которых насчитывалось 2159 монашествующих женщин, – 5670 руб. 29 коп. Все это вынуждало монахинь покидать монастырь и просить милостыню, в связи с чем для женских монастырей были введены более строгие правила выхода за пределы монастыря⁴⁴.

В синодальный период государство активно вмешивалось в организацию внутренней жизни монастырей. При этом государственное законодательство, касавшееся мужских и женских монастырей, во многом различалось. Так, в «Прибавлении к Духовному регламенту» 1722 года имеется отдельная глава, посвященная женским монастырям: «О монахинях». Если мужчинам пострижение разрешалось после тридцати лет, то женщинам только в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет. Для женщин-монахинь вводились более строгие правила в общении с миром: всем монахиням, кроме игумении, запрещалось покидать монастырь, а «монастырям женским всегда заключенным быть»⁴⁵. Монахам же разрешалось выходить из монастыря и даже посещать родственников четыре раза в год, предварительно получив от своего епископа «подорожную». Во многих провинциальных женских монастырях, отличавшихся бедностью, отсутствовала даже ограда.

Нижегородский епископ Питирим жаловался, что в епархии женские монастыри «вотчин и заводов» не имеют, а потому продают рукоделия, самостоятельно делают закупки дров и хлеба для монастыря, а пропитание имеют «по свойственникам, по знакомым людям». Если таким монастырям быть «заключенными», то они не смогут существовать.

Положение сестер в женских монастырях нередко зависело от их социального происхождения и «знатности» самого монастыря. Социальные различия в среде монахинь иногда даже поддерживались государственным законодательством. Так, по определению Синода от 31 августа 1722 года, в монастыри были посланы мастерицы, обязанные обучать монахинь прядению. Монахини же от «благородных и честных родителей», «которые от онаго прядения, яко не приличного им, уволены», должны заниматься «шитьем и низанием».

Однако для ревностно подвизавшихся Господу подвижниц их социальное происхождение не рассматривалось ими как привилегия в несении послушаний и монашеских подвигов. В 1824 году в Воскресенский Горницкий монастырь приехала поклониться праху Евфросинии Старицкой ее дальняя родственница – княжна Параскева Хованская, фрейлина императрицы. На нее произвела такое впечатление атмосфера жизни обители, что она решила вступить в число сестер. Она была отдана на послушание простой и строгой старице, от которой научилась шить обувь, прясть и столярить, и затем всю жизнь смиренно занималась этими послушаниями. Все средства, присылаемые ей богатыми родственниками, она, не считая, отдавала настоятельнице. Иждивением схимонахини Параскевы Хованской была устроена Покровская больничная церковь и при ней 16 больничных келий, в которых

оказывали врачебную помощь и местному населению, а также питали нищих⁴⁶.

Монахини в монастырях разделялись на «удельных», или «местных» (живущих «по окладу», получающих жалование), и «безудельных», или «безместных» («на собственном пропитании»). Кроме того, в монастырях проживали белицы – вкладчицы монастыря. По справке, представленной московским Никитским монастырем в Синод в 1731 году, «по окладу» в нем числилось 100 монахинь, «за окладом постриженных вкладчиц» 24 и 50 белиц.

В XVIII веке государственное законодательство определяло социальную роль того или иного монастыря. Так, для сирот был назначен Новодевичий монастырь, а для больных и увечных – Вознесенский. Монахини могли также направляться на работу в госпитали. Существовала практика обучения девочек в монастырях: в одном из дел, хранящихся в архиве Синода, сообщается о том, что крепостная графини А.П. Шереметевой, Неонилла Емельянова, в 13 лет была отдана в Вознесенский монастырь к старице Евдокии Яковлевой для обучения грамоте. Встречаются случаи воспитания мальчиков в женском монастыре. В деле дьякона Иоакима Быкова имеется сведение о том, что он воспитывался у родной тетки, игумении Архангельского женского монастыря, где затем до 1724 года служил диаконом.

В XVIII, XIX – начале XX века продолжалась практика использования монастыря в качестве наказания. В монастыри ссылались за прелюбодеяние, старообрядки, за уклонение в католицизм, женщины, вышедшие второй раз замуж при живом первом муже. В монастыре содержалась за жестокое обращение со своими крепостными Дарья Салтыкова. Игумении под

самыми разными предложениями отказывались принимать таковых присланных. В 1721 году игумении Феодоровского в Переславле Залесском и Александровского Успенского монастырей сослались на указ «Всемилодливейшей государыни Екатерины Алексеевны» не принимать никого в монастыри «свыше указанного числа». Одной из причин отказа называлась «скудость средств» женских монастырей, которые «питались государевым жалованьем и хлебною ругою». Существовало несколько формулировок содержания для ссыльных женщин в монастырях: «неисходно», «в трудах монастырских», «под караулом» и т. д. Однако в женских монастырях невозможно содержать караул. Как результат – многим сосланным в них женщинам удавалось бежать.

В XVIII веке многочисленными были случаи насильственного пострижения женщин мужьями, родителями, братьями. В то же время некоторые из женщин искали в монастыре защиту от деспотичности мужей.

Перед началом реформы в 1762 году в России было 678 мужских монастырей, населенных 7659 монахами и послушниками и всего 203 женских монастыря с 4733 монахинями и послушницами. В 1764 году в результате реформы Екатерины II численность монастырей значительно уменьшилась. Было упразднено 496 монастырей (56 %), из которых было 360 мужских и 136 женских. Все монастыри, за исключением Троице-Сергиевой Лавры, Александро-Невского монастыря и Чудова монастыря, были распределены на три класса и заштатные. Материальное положение монастырей мужских и женских было различным: жалованье в штатных женских монастырях было в два раза меньше, чем в мужских⁴⁷.

После реформы некоторые из закрытых женских монастырей восстанавливались, учреждались новые, нередко мужские монастыри обращались в женские. В XIX веке, особенно во второй его половине, постепенно начинается рост женских монастырей, а главное, численности монашествующих женщин.

Причинами роста числа монашествующих женщин были: экономические и социально-политические условия в стране, политика правительства в отношении монастырей, аскетические настроения, стремление женщин к образованию и самостоятельности⁴⁸. Определенное значение в этих процессах имели исторические и культурные условия русской духовной истории второй половины XIX века: религиозные вопросы занимали значительное место в духовной жизни русской женщины. Эти вопросы женщины старались решать не отвлеченно, а индивидуально и лично, что приводило их к встрече со старцами. Отмена крепостного права в 1861 году изменила положение женщины в крестьянской семье: женщина могла чаще принимать самостоятельные решения, даже вопреки мнению старших членов семьи. Уходя в монастырь, она повышала свой социальный статус и удовлетворяла свое стремление к образованию.

В женских монастырях были сосредоточены благотворительные учреждения: больницы, богадельни, школы, приюты, аптеки и т. д. Женские монастыри вели различного рода хозяйственную деятельность, дававшую средства и на строительство, и на благотворительность. Отчасти это объяснялось тем, что по циркулярному указу Синода от 28 февраля 1870 года открытие новых обителей допускалось с условием «устройства при ней учебного или благотворительного заведения»⁴⁹.

Социальный состав монашествующих женщин также отличался от социального состава монашествующих мужчин. В XVIII веке эти различия во многом объяснялись государственной политикой по отношению к монашеству: в течение долгого времени в монастыри разрешалось постригать только вдовствующих священников и отставных солдат, затем студентов духовных учебных заведений. Дворянам практически было запрещено пострижение. Поэтому в мужских монастырях традиционно было много выходцев из духовного сословия. Женские монастыри в основном основывались в городах или недалеко от них, поэтому в них было больше представительниц дворянского, купеческого и мещанского сословий. Со второй половины XIX века, после отмены крепостного права, у женщин-крестьянок появилась возможность реализации своего желания посвятить жизнь монашескому подвигу.

После реформы 1764 года в истории женского монашества появляются так называемые женские общины. Женские общины – это уникальное явление и прежде всего результат религиозной потребности женщин и ответная реакция на то законодательство, которое существовало по отношению к женским монастырям с петровского времени. Путей возникновения женских общин несколько.

При упразднении женского монастыря монахинь переводили в те монастыри, которые были оставлены по штату. Послушницы и белицы за недостатком помещений и средств в других монастырях были оставлены на произвол судьбы. Поэтому часть из них продолжала жить при прежних монастырских церквях, которые становились приходскими. Другие уходили и пристраивались около приходских и кладбищенских

церквей, исполняли обязанности просфорниц и сторожей, продолжая жить по монастырскому уставу на средства, полученные в виде милостыни. При этом они призвали сирот, обучали детей грамоте, ухаживали за больными и престарелыми, а зачастую являлись духовными руководительницами для тех несчастных и угнетенных, кто к ним приходил.

Женская община могла существовать под видом богадельни или странноприимного дома: богадельней называлось Абабковское женское общежитие в Нижегородской губернии, состоящее в основном из девушек и женщин молодого и среднего возраста.

Община могла также возникнуть при какой-либо церкви. Так, в селах Селезневе и Троекурове Тамбовской губернии в 1849 и 1857 годах были зарегистрированы женские общины, возникшие при приходских церквях.

Женские общины стали признаваться государственной властью еще во времена императрицы Екатерины II под термином «женское общежитие». Первое такое общежитие было оформлено именным указом Екатерины II, разрешившей по просьбе жителей Мологи, жить в упраздненном монастыре вдовам и престарелым девицам, «посвятившим себя уединенной жизни», «на общежительном уставе, под смотрением начальницы». Императрица поручила генерал-поручику Лопухину проследить, чтобы заведение это было устроено на правилах, установленных для монашествующих, «приписав оное по способности той же епархии к Углицкому Алексеевскому девичьему монастырю».

В первой четверти XIX века юридический статус получили женские общины, организованные на собственные средства женщинами из аристократических дворянских семей. Впервые подобная община была

основана княгиней Евдокией Николаевной Мещерской в селе Аносино в Московской губернии. Общежитие было «Высочайше утверждено» в 1821 году. Для него же были составлены митрополитом Московским Филаретом «Правила». Затем в 1833 году было «Высочайше утверждено» общежитие во имя Спаса, основанное вдовой генерала Тучкова Маргаритой Михайловной (урожденной Нарышкиной) на Бородинском поле. Зачастую эти общежития возглавляли сами их основательницы. При общежитии строился храм и вводился монастырский устав.

В 1841 году была «Высочайше утверждена» Зосимова Одигитриевская община в Московской губернии. В 1842 году были приняты под покровительство «духовного и гражданского начальств» три общины в Нижегородской епархии: Абабковская, Дивеевская, Зеленогорская. По мере того как разворачивалась деятельность общины, она могла быть преобразована в женский монастырь.

Образование многочисленных женских общин стало решением как духовных, так и социальных вопросов⁵⁰.

Духовный расцвет женского монашества в XVIII–XIX веках был связан с развитием старчества. Забота старцев о женских душах, их покровительство и духовное, и материальное женским монастырям – это «особая глава» в истории русского старчества⁵¹. Много монастырей связано с именами преподобного Серафима Саровского, преподобного Феодора Санаксарского и др.: Дивеевский монастырь, Арзамасский Алексеевский, Ардатовский Покровский монастырь в Нижегородской губернии (основан в начале XIX века), Зеленогорская община и др. Под духовным руководством и покровительством Оптинских старцев находились многие женские общины и монастыри:

Белевский монастырь (вблизи Оптиной пустыни), Каширский монастырь святого Никиты (основан как община в 1815-м, преобразован в монастырь в 1884 году). Преподобный Амвросий духовно окормлял Казанскую Шамординскую общину и Горскую пустынь, преподобный Варнава Гефсиманский основанный им Выксунский Иверский женский монастырь.

Многие из монастырей имели большое социальное значение благодаря активной благотворительной деятельности. В 1887 году монастыри содержали 93 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети из этого числа приходились на женские монастыри, при этом мужских монастырей было тогда 469, а женских только 202. В 1880–1890-е годы почти во всех женских монастырях открылись церковно-приходские школы, которые содержались на средства монастырей⁵².

Женские монастыри активно занимались миссионерской деятельностью, сочетая ее с благотворительностью. Как правило, они пользовались государственной поддержкой и покровительством императорской семьи. Одним из таких монастырей был Леснинский Свято-Богородицкий монастырь, основанный на территории Польши в местечке Лесна в 1884 году с благословения преподобного Амвросия первоначально как женская община. Ее основательницей была графиня Евгения Борисовна Ефимовская (в монашестве Екатерина), которая с пятью сестрами, имевшими медицинское образование, и двумя девочками-сиротами стали ее первыми насельницами. Всего за 20 лет, благодаря пожертвованиям императора, покровительству святого праведного Иоанна Кронштадтского и других благотворителей, община становится одной из самых знаменитых обителей. В 1904 году в ней было более 200 сестер из разных сословий, которые занимались обу-

чением неграмотных сестер, иконописанием, переплетом книг, изготовлением церковных облачений, изготовлением пряжи, полевыми работами, пчеловодством, садоводством. За эти годы в монастыре было устроено шесть храмов, монастырский лазарет и больница, гостиницы, богадельня для престарелых женщин, больница для проходящих больных, баня, прачечная, церковно-учительская и двухклассная школа-приют для трехсот девочек-сирот, которых готовили в учительницы церковно-приходских школ. Недалеко от обители была открыта двухклассная мужская школа с мастерскими (токарной, слесарной, столярной, сапожной, переплетной) и сельскохозяйственной школой⁵³.

Под покровительством императорской семьи находился основанный в 1845 году, по инициативе императора Николая I, Новодевичий Воскресенский монастырь в Петербурге, также известный своей благотворительной деятельностью. Первой его игуменией стала Феофания (Готовцева)⁵⁴. В монастыре были организованы различные мастерские, открыта школа для девочек и училище для подготовки народных учительниц, школа для мальчиков. Монахини стирали белье для сиротских приютов и домов престарелых⁵⁵.

Спасо-Бородинский монастырь также приобрел известность своей благотворительностью. Средства монастыря складывались из пожертвований, в том числе от императора, аристократических семей (графини А.А. Орловой-Чесменской, княгини Т.В. Юсуповой, графа Д.Н. Шереметева, А.М. и Т.Б. Потемкиных и др.) В монастыре были открыты больница и богадельня, церковно-приходская школа для детей окрестных сел и деревень⁵⁶.

Благотворительным был и Ново-Тихвинский женский монастырь (в Екатеринбурге), преобразованный

из женской общины в 1809 году. В 1900 году монастырь владел двумя сельскохозяйственными фермами и содержал приходскую школу, два приюта для больных и сирот, больницу⁵⁷.

Особое место в истории женских общин, ориентированных на благотворительную деятельность, занимает Марфо-Мариинская обитель милосердия, которая открылась в 1910 году. Ее основательницей была великая княгиня Елисавета Феодоровна⁵⁸. На Большой Ордынке в Москве она приобретает усадьбу из четырех домов с садом, где устраивает церковь, больницу, аптеку, приют для девочек, библиотеку. В больницу приглашает лучших специалистов. В основу обители был положен устав монастырского общежития. В нем была сформулирована цель создания обители: «трудом сестер Обители милосердия и иными возможными способами помогать в духе Православной Христовой Церкви больным и бедным и оказывать помощь и утешение страждущим и находящимся в горе и скорби». Елисавета Феодоровна поддерживала постоянное общение со старцами Оптиной пустыни, Зосимовой пустыни и других монастырей, организовывала паломничество по святым местам, в Иерусалим, где она построила гостиницу для паломников. В Бари в Италии построила православный храм Святителя Николая. Марфо-Мариинская обитель стала духовным центром, куда обращались не только за медицинской помощью, но и за советом и утешением⁵⁹.

В конце XIX века великая княгиня Александра Петровна (дочь Петра Георгиевича Ольденбургского – внука императора Павла) основала Киевский Покровский монастырь. В нем насчитывалось 1200 сестер, была организована большая больница, в которой были открыты женские медицинские курсы, гостиница для слепых⁶⁰.

Благотворительность женских монастырей не была самоцелью. Основой жизни в монастыре оставалась духовная жизнь и молитва.

Иногда в одном монастыре развивались разные традиции монашества. Леушинский Иоанно-Предтеченский монастырь (в Новгородской епархии) находился под духовным руководством святого праведного Иоанна Кронштадтского. При активном общении с миром в монастыре была открыта церковно-учительная школа для девочек с гимназическим курсом, приходская школа, различные мастерские, но было основано также два скита – один на кладбище, другой, по благословению отца Иоанна Кронштадтского, – строго молитвенный в лесу. Силами Леушинского монастыря был восстановлен разрушавшийся Ферапонтов монастырь с фресками великого Дионисия⁶¹.

В XIX веке при игумении Антонии возросла благотворительная роль упомянутого московского Алексеевского монастыря, основанного в XIV веке как общежительный, но со временем ставшего особножительным. Со времени своего основания он несколько раз менял свое местонахождение. Последний раз, в 1837 году, в связи со строительством Храма Христа Спасителя он был перемещен в Красное село. В монастыре были устроены: больничный корпус, аптека, богадельня, рукодельная, иконная, золотошвейная и переплетная мастерские, гостиница, училище для девочек-сирот. В 1871 году открыто первое в России училище для южнославянских девочек-сирот, болгарок и сербок; некоторые из них, уже покинув монастырь, продолжали образование на монастырские средства. Монастырь неоднократно жертвовал деньги православному миссионерскому обществу, в храмы и учреждения Святой Земли, на Афон и в многочисленные российские

монастыри. Пожертвования в основном состояли из различных вещей и икон, созданных в монастыре, а также денежных сумм. Монахини трудились в тюремных больницах, домах призрения. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов монастырь оказывал помощь раненым и больным воинам. Большую же часть женских монастырей составляли небольшие малоизвестные обители и пустыни, скиты, об истории которых подчас мало что известно.

Сохранились многочисленные жизнеописания монахинь-подвижниц конца XVIII – начала XX века: старицы Иоанно-Казанского Селезневского монастыря Дарии, подвижниц Николаевского Абабковского монастыря Лампадии и Палладии, схимонахини Авраамии из Каширского Сретенского монастыря, монахини Курского Троицкого монастыря Иларии и др.⁶². Дошедшие до нашего времени воспоминания, записки и письма женщин-монахинь свидетельствуют о подъеме духовной жизни женских монастырей в этот период⁶³.

Особая глава в истории женского монашества – это монахини-старицы, обладавшие даром провидения, пророчества, за духовным советом к которым стекались паломники. Известна была своим даром пророчества схимонахиня Платонида из Иоанно-Мариинского монастыря в Ставрополе. Она родилась в 1802 году на Северном Кавказе в казачьей семье и после перенесенной оспы в четыре года ослепла. Ставропольский епископ Феофилакт благословил ее после пострижения в схиму давать советы приходящим. Ее молитвенное правило состояло из выстаивания всех церковных служб, утренних и вечерних молитв, Иисусовой молитвы; в полночь – помянник о живых и усопших. Она молилась о государях, в царствование которых жила,

о всех женах, рожающих в эту ночь, и о всех младенцах, рожденных ими, о сиротах, больных, бедняках, неповинно преданных суду, а также о каторжных и преступниках, чтобы они покаялись⁶⁴.

Своими старицами был знаменит Спасо-Бородинский монастырь: монахиня Митродора, схимонахини Сарра и Рахиль, к которым за советом и утешением стекалось огромное количество людей⁶⁵ и другие монахини-подвижницы.

Заключение

История женского монашества на Руси является частью единой истории русского православного монашества, хотя и имеет свои особенности. Так, в первые века своего существования женские монастыри не стали центрами книжности и образования в той степени, в какой таковыми являлись монастыри мужские, хотя отдельные сведения об этом имеются в литературных источниках. Первые школы в женских обителях стали появляться с середины XIX века, а к началу XX века почти каждый женский монастырь имел школу или училище. Отличительной особенностью женских монастырей XIX – начала XX века стала их широкая благотворительная деятельность. В монастырях организовывались больницы, медицинские курсы, различного рода учебные заведения, предназначенные для подготовки учительниц. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов 710 сестер из 95 женских обителей были направлены на место военных действий и в лазареты. Таким образом, женские монастыри через благотворительность были в большей степени связаны с миром, чем мужские. Огромный вклад внесли женские монастыри в развитие культуры, прежде всего,

в развитие прикладного искусства, иконописания. Велико значение женских монастырей в развитии христианского подвижничества. Затворничество, отшельничество, старчество и другие виды подвижничества распространялись не только на монахов, но и на монахинь. Несомненен вклад женских монастырей в развитие аскетической традиции, поэтому в обществе многие женские монастыри пользовались столь же большим авторитетом, как и мужские⁶⁶.

¹ Монашеская жизнь по изречениям святых отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.

² *Игуменья Таисия Леушинская*. Письма к новоназначенной инокине. – СПб.: Леушинское издательство, 2003.

³ *Сидоров А.И.* Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998.

⁴ Древние иноческие уставы. М., 1892. С. 145–146.

⁵ Там же. С. 484–499.

⁶ *Цыпин В.А.* Церковное право. М., 1994. С. 178–179.

⁷ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1904. Т. 1, вторая половина тома. С. 669.

⁸ *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX столетий в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей: опыт историко-канонического исследования. Харьков, 1905. С. 8.

⁹ *Щапов Я.Н.* Государство и Церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 137.

¹⁰ *Татищев В.Н.* История Российская в 7 томах. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 95.

¹¹ *Казанский П.* История православного монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания Лавры Св. Троицы преподобным Сергием. М., 1855. С. 21–22; Успенский сборник: XII–XIII вв. М., 1971. С. 83.

¹² *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви... С. 508.

¹³ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 668–674.

¹⁴ *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. Кн. 3. С. 649–662.

¹⁵ *Белхова М.И.* Монастыри на Руси XI – середины XIV века // Монашество и монастыри в России X–XX века. Исторические очерки. – М.: Наука, 2002. С. 82–91.

¹⁶ Там же. С. 122–124.

¹⁷ *Пушкарева Л.Н.* Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. С. 40.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ *Дубровский М.* Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с кратким описанием основанного ею в г. Полоцке женского монастыря. Витебск, 1894.

²⁰ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. М., 1966. С. 211–220.

²¹ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. С. 177.

²² *Грибов Ю.А.* Лицевые списки Жития Евфросинии Суздальской XVII в. // Русская книжность: вопросы источниковедения и палеографии. М., 1998. С. 78–141.

²³ *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. М., 1996. Кн. 4, ч. 2. С. 359–385.

²⁴ *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. М., 1996. Кн. 6. С. 745–765; Кн. 7. С. 619–635.

²⁵ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 442.

²⁶ Великая княгиня Евдокия, в иночестве преподобная Евфросиния, основательница девичьего монастыря в Московском Кремле. М., 1899. С. 48.

²⁷ *Дмитриев Д.С.* Вознесенская св. великой княгини Евфросинии обитель. Сергиев Посад, 1908. С. 43–45.

²⁸ Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов: XV – начало XVII в. М., 1998. № 126. С. 298–303, 485–487.

²⁹ *Антушев Н.* Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885. С. 99.

³⁰ Российское законодательство. М., 1984. Т. 1. С. 176.

³¹ Воскресенский Горицкий женский монастырь. Изд. Воскресенского Горицкого монастыря. 2008. С. 4–15.

³² *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 639–640.

³³ Там же. С. 708.

³⁴ Великая княгиня Евдокия, в иночестве Евфросиния, основательница девичьего монастыря в Московском Кремле. М., 1899. С. 99.

³⁵ Русские монастыри в период монгольский // ХЧ. СПб., 1861. Сентябрь. С. 193.

³⁶ Леонид (Кавелин). Историческое описание Малоярославского Черноостровского монастыря. М., 1903. С. 34.

³⁷ Русские монастыри в период монгольский... С. 194.

³⁸ Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. СПб., 1813. Т. 5. С. 584.

³⁹ Софийский временник. Ч. 2. С. 363–364.

⁴⁰ Суворов Н. Заметки о мужеско-женских монастырях в древней России // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862. Кн. 4. Раздел XII. С. 38–46.

⁴¹ Водарский Я.Е. Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 544.

⁴² Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России: XII – начало XX в.: Сб. статей к 70-летию профессора Л.Г. Бескровного. М., 1975. С. 79–95.

⁴³ Смолич И. Русское монашество // Богословские труды. М., 1992. Сб. 31. С. 563.

⁴⁴ Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки.

⁴⁵ Верховской П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов н/Д., 1916. Т. II. С. 100–101.

⁴⁶ Воскресенский Горицкий женский монастырь. Изд. Воскресенского Горицкого монастыря, 2008. С. 16.

⁴⁷ Смолич И. Русское монашество // Богословские труды. М., 1992. Сб. 31. С. 278.

⁴⁸ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

⁴⁹ Маврицкий В. Руководственные для православного духовенства указы святейшего правительствующего Синода: 1721–1878. М., 1879. С. 76–79.

⁵⁰ Белякова Е.В., Белякова Н.А. Вопрос о диакониссах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. М., 2001. № 8. С. 139–161.

⁵¹ Смолич И. Жизнь и учение старцев // Богословские труды. М., 1992. Сб. 31. С. 153.

⁵² Смолич И. Русское монашество // Богословские труды. М., 1992. Сб. 31. С. 295.

⁵³ Памятка о Леснинском 1-классном женском Свято-Богородицком монастыре. Варшава, 1904.

⁵⁴ Игуменья Феофания, основательница Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге. Изд. Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001.

⁵⁵ Смолич И. Русское монашество... С. 302.

⁵⁶ Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. Изд. Спасо-Бородинского женского монастыря, 1993.

⁵⁷ Смолич И. Русское монашество... С. 297.

⁵⁸ Трофимов А. Святые жены Руси. М., 1994. С. 174–175.

⁵⁹ Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы: Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 182–188.

⁶⁰ Русское православное женское монашество. С. 239.

⁶¹ Записки и письма игуменья Таисии. М., 2000.

⁶² Русское православное женское монашество XVIII–XIX вв. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

⁶³ Арсения, игуменья. Жизнеописание. Письма к П.А. Брянчанинову и другим лицам. М., 1998.

⁶⁴ Русское православное женское монашество XVIII–XIX вв.

⁶⁵ Подвижницы Спасо-Бородинского монастыря. М., 1994; Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. Изд. Спасо-Бородинского женского монастыря, 1993.

⁶⁶ Емченко Е.Б. Женские монастыри в России // Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки. С. 245–278.

Богослужение в монастыре: для братии или для паломников?

Игуменя Викторина (Перминова),
настоятельница Богородице-Рождественского
ставропигиального женского монастыря (Москва)

Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, досточтимые игумены и матушки игумении, дорогие братья и сестры!

Так как мой доклад посвящен богослужению, то хотела бы начать его словами из антифона воскресной утрени: «Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме»¹.

Автор антифона в кратких словах емко говорит о монашеской жизни. Он поясняет, что божественное желание – желание пребывать с Богом, соединяться с Ним – становится непрестанным по мере удаления от мира. Божественное желание проявляется прежде всего в желании обращаться к Богу в молитве и участвовать в богослужении.

Автором степенн был преподобный Феодор Студит² (759–826 гг.). Удивительно, что он смог развить и поддержать божественное желание в тысячном брат-

стве и сделал это не в пустыне, а рядом со стенами шумного Константинополя. Не менее удивительно, что Студийский устав, по которому жил столичный монастырь, в свое время приняло за основу большинство общежительных монастырей.

В своем докладе мне предстоит рассмотреть сложный вопрос, который часто задают и монашествующие, и миряне. С одной стороны, молитвенное монастырское богослужение назидательно для всех, в том числе и для паломников, специально приходящих в монастырь помолиться. С другой стороны, паломники привносят в монастырь мирской дух, а монахи призваны удаляться от мира, чтобы не угасло в них божественное желание. При обилии паломников бывает затруднительно сосредоточиться в молитве. Так для кого должно совершаться богослужение в монастыре: для братии или для паломников? И как сделать, чтобы и суточный богослужебный круг полностью совершался, и миряне также имели возможность помолиться в обители и получить пользу? Чтобы обстоятельнее рассмотреть вопрос, позвольте перейти к историческому аспекту темы.

Исторический аспект

Древние монастыри

В IV веке желающие проводить монашескую жизнь буквально следовали словам Псалтири: «Се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни» (Пс. 54, 8). Они выходили из селений и городов и жили в удаленных от людей местах. Уединение и трудности пустынной жизни помогали достигнуть бóльшей сосредоточенности, молиться с бóльшим усердием, развивали в подвижнике всё то,

что способствует молитве: трезвение, жертвенный дух, глубокое познание себя, своей падшей природы.

Отцами-пустынниками был установлен определенный порядок совершения богослужений в зависимости от времени суток. Богослужения суточного круга получили свое название по времени совершения.

Опыт следования Уставу во все века приносил хорошие плоды: он был воспринят и нашими благочестивыми предками. Из летописного сообщения под 1015 годом о убиении святого князя Бориса известно, что он пел перед смертью «заутреню», включающую в себя шестопсалмие и канон (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 133), то есть утреню по Студийскому уставу. Так делал обычный мирянин. Если говорить о монашествующих, то на протяжении всей русской истории лучшие обители придерживались совершения суточного богослужебного круга.

Из описаний жизни русских обителей мы узнаем, что все богослужения суточного круга совершались в Оптиной, Глинской, Софрониевой, Святогорской пустынях, Валаамском монастыре. Все эти обители свидетельствуют о реальности следования тому идеалу молитвы, который предначертали нам Святые отцы.

Нередко возникает вопрос: как могут правила размеренной пустынной жизни исполняться в городских условиях, в ритме современной жизни, возможно и нужно ли удаление от мира в наше время?

Нужно сказать, что проблема существования монастыря и возможности благочестивой жизни в городском пространстве возникла не сегодня. Священное Писание предупреждает о пороках, которые может порождать городская жизнь, если человек забывает о Боге. Погруженность в суету, стремление к комфорту и роскоши расслабляют волю человека, развивают эгоизм и могут привести к самым тяжким грехам. В Ветхом

Завете особенно показательны примеры Вавилона, Содома, Гоморры, которые стали именами нарицательными. И, напротив, весьма редким был пример Ниневи, когда весь город покался от проповеди пророка Ионы.

Люди, живущие вне города, и в монастыре также далеко не безгрешны. С ними остается та же падшая человеческая природа и извечная борьба со страстями. Писание говорит нам, что отречение от мира как удаление от греха и зла, царствующего в мире, возможно везде и всегда. Смысл удаления от мира в том, чтобы сначала отсечь внешние поводы ко греху, соблазны, потом найти в себе корни греха и начать постепенно, с Божией помощью, вырывать эти корни из собственного сердца. Это делание Святые отцы назвали трезвением.

Трезвение одухотворяет и обогащает как молитву, так и труд, и всю жизнь подвижников, которая в широком смысле слова является богослужением. Чем больше внимания уделяется в монастыре трезвению, тем он ближе к Царствию Божию. Мы видим это на примере первых египетских обителей, которые начали посещать благочестивые паломники, чувствуя обитающую там благодать и желая получить пользу для души.

Приближение города

Как получилось, что монастыри оказались в оживленных городах? Это предсказал еще святой Антоний Великий. Он сказал монахам, спросившим его о будущем: «Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами

царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств, смирение заменится гордостью, многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию, любовь охладет, вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не меньше самых мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником <...> Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас, ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил и зло сотворить и не сотворил (см.: Сир. 31, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массой стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании»³.

Пророчество преподобного Антония начало исполняться в последующих столетиях. В VII веке арабские племена, принявшие ислам, стали уничтожать монастыри в Египте, Палестине, Сирии и других христианских землях. Гонимые завоевателями, монахи вынуждены были продвигаться ближе к центрам Византийской империи. С другой стороны, на протяжении столетий сами центры разрастались, и обители, находившиеся на отдалении от городов, оказывались у городских стен, если не в самом городе.

Это сближение имело свои отрицательные стороны, о которых сказал святой Антоний Великий, но оно было промыслительным. Во-первых, город соприкоснулся с жизнью иноков, их благочестием, верой, добродетелями. Во-вторых, иноческое благочестие, уставы и богослужебные тексты стали входить в жизнь и в богослужение всех христиан. В-третьих, город ограждался молитвой и доброй жизнью монашествующих.

Как и в древние времена, монастыри оставались оплотами Православия, университетами молитвы и духовной жизни.

Поразительным был пример Студийского монастыря. Создать нормальную монашескую жизнь у стен столицы империи казалось невозможным. Однако в обитель, которая в свое время подверглась разорению от иконоборцев, пришли пустынники с горы Олимп во главе с преподобным Феодором Студитом. Они создали строгую общежительную обитель с тысячной братией, совершением суточного круга богослужений, чередованием времени келейного пребывания, церковной молитвы и труда. Жили они рядом с Константинополем так же, как и на пустынном Олимпе; братия сама себя обеспечивала⁴.

Велика была заслуга преподобного Феодора, который частыми беседами и поучениями поддерживал в братии подвижнический дух и всегда подчеркивал важность богослужения, совершения его благолепно и по уставу и посещения его братией.

Влияние монастырского устава на богослужение всей Церкви

Можно сказать, что сам Богослужебный устав создавался в монастырях. Получивший наибольшее распространение Иерусалимский устав вышел из обители преподобного Саввы Освященного. Он был составлен на основании правил, которые ввел и поддерживал в своей обители преподобный Савва (IV в.)⁵.

Иерусалимский и Студийский богослужебные уставы взаимно обогатили друг друга. Иерусалимский устав, как известно, имеет большую торжественность, праздничность, включает в себя бденные праздничные

службы, имеет свою гимнографию. Студийский же устав использовался в каждодневном монашеском богослужении: он спокойно-строг, в нем больше чтения, нежели пения, и не содержится бденной службы с покоем в том виде, как она совершается сегодня. Представление о Студийском уставе могут дать великопостное богослужение и совершение служб суточного круга монашествующими. Взаимопроникновение двух уставов дало верующим возможность сочетать будничные и праздничные службы.

Итак, монастырский устав дал всем верующим ориентиры в молитве и благочестивой жизни. Думаю, что Студийская обитель во многом могла бы послужить современным монастырям примером для подражания. Исходя из этого, позвольте высказать свой взгляд на современные проблемы и пути их решения.

Современный мир: богослужение для братии или для паломников?

В настоящее время монастырь в городском пространстве – явление частое. Мы видим, что и на Руси так сложилось исторически. Или город разрастался и окружал пустынную обитель, как это произошло, например, с московскими Зачатьевским, Сретенским, нашим Богородице-Рождественским монастырями; или же у стен обители выросал город (например, посад около Троице-Сергиевой Лавры). Нередко монастырь становился своего рода городским крепостным сооружением (подобно Данилову, Донскому, Новоспасскому и другим монастырям). Все городские обители являются достопримечательностями и центрами паломничества, и, что самое главное, они являются богослужебными центрами.

Благоговейное, неспешное, уставное монастырское богослужение притягивает молящихся. В нем веет дух подвижничества, мироотреченности, надмирности, свойственный монашеской жизни. Паломников может привлекать и сама святость места. Часто они надеются получить вразумление, утешение в скорбях. Далеко не во всех обителях есть насельники, которые могут преподать духовный совет, но сама монастырская обстановка как-то успокаивает человека, настраивает на нужный лад.

Люди приходят в обитель потому, что, как они говорят, в монастыре им хорошо. Что именно хорошо и почему они себя так чувствуют – они не могут порой объяснить. Так неизреченно, непостижимо действует благодать Святого Духа. Здесь есть еще немаловажная причина – молитва и сокровенная жизнь насельников. Значение совершения богослужений суточного круга так, как учат Святые отцы, и участия в них братии создает атмосферу молитвы и вводит жизнь монастыря в нужное русло, как проверено многовековым опытом, в частности, опытом русских обителей.

Но как братии созидать свою молитву, свою внутреннюю жизнь в современном, полном соблазнов городском пространстве? Часто люди после работы заходят в храм помолиться, и мы обязаны предоставить им эту возможность. Конечно же, мы не имеем возможности подражать Студийской и другим древним обителям в том, что паломники допускались в них лишь несколько раз в году. Но мы можем придерживаться совершения богослужений суточного круга и созидать нашу молитву, насколько это в наших силах. У некоторых городских обителей, в частности у нашей, есть опыт совершения суточного круга богослужений для насельников отдельно от прихожан. За некоторыми

же богослужениями насельники молятся вместе с паломниками, но стоят в церкви отдельно от них. Таким образом, и прихожане молятся в обители по своим силам и возможностям, и братия совершают то, что положено.

В нашей обители это происходит так. С пяти часов утра до Литургии сестры в отдельном храме совершают полунощницу, утреню и первый час. Потом они переходят в другой храм, где совершаются 3-й и 6-ой часы и Литургия для них и паломников. После обеда сестры отдельно совершают 9-й час, вечерню, повечерие и правило, а в другом храме служитя вечерня и утреня для прихожан. В том храме, где проходит служба для прихожан, дежурят сестры, и служба совершается по монастырскому уставу. Один раз в неделю для сестер совершается ночная служба – часы и Божественная литургия. На воскресных и праздничных службах мы молимся вместе с прихожанами.

Возможность братии помолиться отдельно, своим монашеским братством, важна не только для того, чтобы сосредоточиться, но и чтобы сплотиться, почувствовать свое духовное единство, утвердиться на монашеском пути.

В заключение хотелось бы сказать, что, на мой взгляд, задача монашествующих была и остается в том, чтобы возвращаться к правильным истокам, поддерживать в себе и в других дух молитвы, чтобы не угасло в нас божественное желание, о котором говорит преподобный Феодор Студит. Мы можем подражать студийским инокам в том, чтобы, по возможности, совершать суточный круг богослужений; хоть и не всегда, совершать братскую молитву без паломников; поддерживать друг друга в подвиге. Всё это вполне реально в наши дни, и дает возможность удаления от мира и жизни в Боге.

Когда мы стремимся следовать Уставу, данному Святыми отцами, Господь устраивает наши дела; наше время и силы распределяются разумно, и их хватает на много полезных дел и начинаний.

«Службы церковныя надлежит нам исполнять со всем благочинием, благоговением и теплосердечностью»⁶, – говорит братиям преподобный Феодор. Из его слов мы видим, что внешнее делание – будь то возжигание лампад, чтение, пение, прислуживание в церкви, порядок совершения служб – всё это, от малого до великого, отражает наше состояние души. Насколько у нас получается, мы должны не только за богослужением, но и во всем строе нашей жизни создавать и поддерживать молитвенную атмосферу, быть исполнителями Евангельских Заповедей и монастырского устава. Тогда посетители монастыря будут лучше ощущать в стенах обители Присутствие Божие и чувствовать, что Бог присутствует в их жизни. Для мирян обитель исполняет свою миссию, в основном, через молитву и богослужение. В небогослужбное время, конечно же, миссия включает и проведение экскурсий, и деятельность монастырских школ, и многое другое, но основой жизни в любом монастыре является молитва, и мы рады, если наш молитвенный настрой передается паломникам, если они видят в жизни монастыря «отблеск Божественного Царства»⁷.

¹ Степенны в неделю на утрени, глас 1. Антифон 1 // Октоих. Ч. 1.

² Никифор Каллист. Изъясн. степени. *Никодим Святогорец*. Νέα κλ'ίμαξ, 1844, 13 по арх. Модесту (О церк. Октоихе. Вильна, 1865, 22 и д.), который доказывает, что упоминаемый в антифонах «пастыреначальник» – брат св. Феодора, св. Иосиф, архиепископ Солунский // Скабалланович М., проф. КДА. Толковый Типикон. Ч. 2. Киев, 1913. С. 238–239.

³ Добротолюбие. Т. 1. – М.: Типо-Литография И. Ефимова, Большая Якиманка, собств. дом, 1895. С. 129–130.

⁴ Электронный ресурс. <http://drevo-info.ru/articles/22698.html>

⁵ Скабалланович М., проф. КДА. Толковый Типикон. Ч. 1. Киев, 1910. С. 320–324.

⁶ Добротолюбие. Т. 4. – М.: Типо-Литография И. Ефимова, Большая Якиманка, собств. дом. 1901. С. 22.

⁷ Святейший Патриарх Кирилл. Слово в четверг первой седмицы Великого поста в Богородице-Рождественском монастыре. О терпении. 10.03.2011.

Возрождение литургических традиций в русских монастырях

Иеромонах Иов (Чернышев),
наседник Николо-Угрешского ставропигиального
мужского монастыря, кандидат богословия

Активное возрождение монашеской жизни, свидетелями которого мы являемся в течение последних десятилетий, не может не радовать сердца верных чад Русской Православной Церкви. Для любого человека, даже поверхностно знакомого с историей Церкви, очевидной будет роль в ней монашеского движения и монастырей как оплотов церковной жизни.

История Русской Церкви XX столетия становится подтверждением данного тезиса: волны гонений, воздвигаемые против церковной жизни, направлены были, в первую очередь, против монастырей. Действительно, ужасы начала гражданской войны были связаны с массовым закрытием монастырей, этот же процесс происходил в середине 1920-х годов, хрущевские гонения начались с ужесточения условий существования монастырей; поддерживаемый активно советской властью обновленческий раскол носил антимонашеский

характер. Советская власть видела в Церкви идеологического врага, в которой «опорной базой контрреволюции зачастую были монастыри»¹.

При этом возрождение или активизация церковной жизни, при относительной нормализации церковно-государственных отношений, начинается с монастырей. Так было во второй половине 1980-х годов, то же наблюдалось и в послевоенные годы.

К 1939 году, до присоединения западных областей, на территории СССР не было ни одного монастыря. На 1 января 1948 года у Русской Православной Церкви было 85 обителей, из них на территории России – 2 (Псково-Печерский монастырь и Троице-Сергиева Лавра)². Только в конце 1980-х стали открываться новые монастыри, в 1990-е этот процесс набрал заметные обороты, продолжается он и поныне.

Вместе с тем, очевидным является тот факт, что годы атеистических гонений нанесли значительный урон на преемство монашеской жизни в отечественных обителях. Безусловно, число обителей неуклонно растёт, совершаются постриги новых насельников. Современная жизнь монастырей требует решений организационных, хозяйственных, образовательных вопросов, но центральное внимание в монастырях требует организация богослужebной жизни. В этом аспекте важным является восстановление и продолжение литургических *традиций*, которые были присущи отечественным монашеским обителям до их закрытия.

Традиция – означает буквально «предание», латинское слово *traditio* происходит от глагола *trado*, который в буквальном смысле обозначает «передавать с руки на руку»³. Таким образом, сохранение традиций означает непосредственную передачу опыта, предания из поколения к поколению, от человека к человеку.

Естественно, возникает вопрос: каким образом возможно преодолеть трудности церковных нестроений XX столетия в деле поддержания отечественных иноческих традиций? Значительную помощь в этом могут оказать исторические памятники дореволюционной России и даже документы советского государства, позволяющие реконструировать некоторые традиции русского монашества.

Безусловно, монастыри должны быть ориентированы на сохранение уставного богослужения. Поместный Собор 1917–1918 годов, известный своей обширной деятельностью, в своем «Определении о монастырях и монашестве» постановил: «Важнейшим предметом внимания монастырского начальства и усердия братии должно быть строго уставное (по Типикону) церковное богослужение»⁴.

Однако богослужebный отдел Поместного Собора не успел завершить своей работы, так как Собор вынужден был прекратить свою деятельность 20 сентября (н. ст.) 1918 года. Поэтому конкретных рекомендаций по уставному богослужению дано не было, что оставляло некоторую недосказанность. Ведь каким должно быть уставное богослужение в точности в то время мало кто представлял. В качестве подтверждения этой мысли уместно привести известный литургический опыт. После двухлетней теоретической и полуторамесячной певческой подготовки 10/11 ноября 1912 года в Святодуховской церкви Братского монастыря при Киевской духовной академии было отслужено всенощное бдение, соответствующее указаниям Типикона. «Продолжалась всенощная около восьми часов и не обошлась без мелких недочетов, несмотря на высокую квалификацию и долгую подготовительную работу ее главных организаторов – профессоров

КДА священника Василия Прилуцкого и М.Н. Скаблановича, который и описал это замечательное событие в своем «Толковом Типиконе»⁵. Однако, как заметил Б.И. Сове, «Киевская всенощная вызвала к себе большой интерес со стороны местной церковной интеллигенции, но одновременно показала невозможность ее регулярного служения не только в приходских храмах, но в кафедральных соборах и даже в монастырях»⁶. Вот почему при стремлении к сохранению уставного богослужения, в монастырях в современных условиях не может быть полностью воплощен Типикон во всех его указаниях и умолчаниях. Стоит ориентироваться на современный опыт крупных и известных обителей, перенося в свое богослужebное пространство десятилетиями отточенную практику максимального и разумного приближения богослужения к Уставу.

Более реальным является восстановление местных литургических традиций, которые существовали в различных обителях и получили свою фиксацию в исторических памятниках. Обоснованием этого является то же «Определение о монастырях и монашестве» Поместного Собора 1917–1918 годов: «В обителях, где при совершении богослужebных чинов соблюдаются особые, освященные веками и не противоречащие духу православия обычаи, хотя бы и не предусмотренные Типиконом, таковые обычаи, должны быть сохранены»⁷. Пожалуй, исследование истории обителей и реконструкция локальных литургических традиций – наиболее перспективное и востребованное направление в современной монашеской жизни.

В качестве иллюстрации данного направления целесообразно привести два примера из жизни Николо-Угрешского ставропигиального мужского монастыря, в котором были восстановлены празднования в честь

Святителя и Чудотворца Николая по случаю его Рождества (29 июля/11 августа) и Явления его образа святому благоверному князю Димитрию Донскому (9/22 августа).

Николо-Угрешский монастырь был основан князем Димитрием Донским на месте первой стоянки русских войск на пути на Куликово поле. По преданию, на этом месте явился образ Святителя Николая, который укрепил сердце князя и предсказал победу русского воинства над Мамаем. Наибольшую свою известность монастырь получил благодаря деятельности настоятеля преподобного Пимена Угрешского (†1880). Николо-Угрешский монастырь был закрыт в 1925 году, возрождение литургической жизни началось с 1990 года.

В 2005 году, по благословению Святейшего Патриарха Алексия II, в монастыре было установлено совершение бденной службы в честь Рождества Святителя Николая.

Служба Рождеству Святителя Николая, пожалуй, является одной из самых загадочных в русской литургической жизни. Самое раннее упоминание о нем содержится в славянской рукописи XII–XIII веков⁸. Первый русский месяцеслов, который включает этот праздник, датируется XIV веком⁹. В списках XVII–XVIII веков сохранились два варианта этой службы. «Они отражают две традиции празднования Рождества Святителя Николая, существовавшие в разное время и в разных областях России. Один вариант службы зафиксирован в рукописи из Новгорода, второй – в списке, принадлежавшем некогда Вятскому кафедральному собору»¹⁰. Новгородский вариант более архаичен, в нем большее число заимствований из декабрьской службы Святителю Николаю. Вятский вариант – пространный, в нем больше оригинальных

текстов. Создание вятского варианта, вероятнее всего, обусловлено особым почитанием Великоорецкого образа Святителя Николая, который был в XVI столетии принесен в Москву, а Николо-Угрешский монастырь стал местом его встречи.

Сохранившиеся рукописи с текстом служб Рождеству Святителя Николая позволяют совершать богослужения в наше время, что и практикуется в Николо-Угрешском монастыре. Стоит заметить, что в сохранившихся текстах XVII–XVIII веков, присутствуют необычные для славянских текстов сокращения, определенные ошибки, вкравшиеся, вероятно, при переписки с более древних вариантов. Вот почему расшифрованные рукописи нуждаются в определенной редакции. Тем не менее, празднование Рождества Святителя Николая становится все более распространенным в современной церковной жизни.

В 1992 году в возрожденной Угрешской обители впервые отмечался праздник Явления иконы Святителя и Чудотворца Николая святому благоверному великому князю Димитрию Донскому, ставший связующим звеном между новооткрытым монастырем и его историческим прошлым¹¹. Празднование совершается и поныне, в этот день традиционно проходит крестный ход к часовне Святителя Николая, построенной на месте явления образа.

Когда в монастыре сложилась практика совершения этого праздника, – доподлинно неизвестно, однако к концу XIX столетия эта местная традиция точно существовала. В биографическом очерке Д. Благово, посвященном преподобному Пимену Угрешскому, описывается празднование 500-летия основания обители в 1880 году, приуроченное ко дню Явления образа Святителя Николая. Возглавлял торжества Москов-

ский митрополит Макарий (Булгаков). Вот некоторые интересные детали описания этого торжества: «При наступлении вечера, когда начинало уже темнеть, внутренность монастыря и колокольня озарились яркими огнями, и по мере того как густел мрак ночи, все яснее и ярче с обеих сторон над входными воротами колокольни выступало огненное начертание: Коль славен наш Господь в Сионе; а на следующем, втором полу-кружии вверху – год основания и пятисотлетия 1380–1880. Ночь была ясная, тихая, теплая, с освежающей влагой... вся внутренность монастыря, ярко озаренная огнями, была густо усеяна народом, преимущественно толпившемся под открытыми окнами храмов, где происходило торжественное богослужение, но в которое проникнуть вследствие тесноты было невозможно. Зрелище было поразительное»¹².

Не менее торжественным было празднование Явления образа Святителя Николая в 1924 году. 21 августа 1924 года в обитель прибыл Патриарх Тихон для совершения всенощного бдения под праздник Явления иконы святителя Николая¹³.

В тот же день в архиерейских палатах обители состоялось очень теплое и дружеское свидание Святейшего Патриарха с бывшим митрополитом Московским Макарием (Невским). Был сделан фотографический снимок, запечатлевший участников этой встречи¹⁴.

Исследователь жизни Святейшего Патриарха Тихона М.И. Вострышев приводит описание посещения святителем Угрешского монастыря из воспоминаний епископа Сергия (Ларина): «Весь обширный монастырь в этот день был заполнен богомольцами, прибывшими не только из окрестных сел, но – в большом количестве – из Москвы... Во дворе монастыря, по выходе Святейшего из собора, к нему подвели сопротивляющуюся

кликушу, выкрикивающую непонятные слова. Но несколько человек, невзирая на ее сопротивление, все-таки подвели ее к Патриарху, который еще издали, слыша крики и вопли, поглядывал на нее с состраданием. Он благословил ее, положив свою руку на голову, причем сказал несколько успокоительных слов, слышать и понять которые среди общей суматохи и криков было невозможно... Она сейчас же как-то осела, смолкла, перестала корчиться, а затем, отойдя немного, уселась в сторонке – бледная и изможденная. Она тихо плакала, утирая и размазывая слезы концом головного платка, сбившегося на затылок»¹⁵.

Огромное стечение людей на праздник Явления иконы Святителя Николая и патриаршее служение поражает нас – одним только водным путем по реке Москве прибыло свыше 14 000 человек¹⁶, именно так в своем рапорте руководству МОНО [Московский Отдел Народного Образования. – *Примеч. ред.*] сообщил руководитель Красного детского городка.

Спустя несколько дней святитель Тихон снова посетил Угрешскую обитель и навестил митрополита Макария (Невского), который был тогда тяжело болен. Вот какое описание этой встречи есть в очерках Левитина-Краснова и Шаврова: «24 августа 1924 года патриарх прибыл к воротам монастыря. Встреченный настоятелем, в сопровождении архимандрита Анемподиста и шестнадцатилетнего иподиакона, патриарх в куколе и мантии, войдя в храм и поклонившись престолу, проследовал в покои заштатного митрополита. Как всегда в минуты волнения, движения патриарха стали порывистыми и быстрыми. В небольшом зале навстречу патриарху выкатили в колясочке больного митрополита, чисто вымытого и одетого в белый кло-

бук. Подойдя к митрополиту, патриарх поклонился старику до земли – из глаз больного катилась слеза... Все присутствовавшие поспешили покинуть комнату. Патриарх оставался наедине с митрополитом Макарием полтора часа – всё время иподиакон, находившийся в соседней комнате, слышал не умолкавший ни на минуту голос патриарха.

После посещения митрополита Макария патриарх казался успокоенным, медленно обошел он стены древнего монастыря, построенного еще при Димитрии Донском, затем заходил в келью схимницы Михайлы, жившей около монастыря, пил у нее чай с вареньем и тихо беседовал...

Это был один из немногих хороших и спокойных дней за последний год жизни патриарха»¹⁷.

Возможно, что в последнем из воспоминаний есть неточности. Скорее всего, описан не новый приезд Патриарха 24 августа, а окончание многодневного пребывания святителя на Угреше. В это описание частично вошли фрагменты из его пребывания в предыдущие праздничные дни.

Вполне вероятно, что именно визит святителя Тихона дал повод Е.А. Тучкову начать агентурную разработку «группы крайне правых монархистов, объединяющихся вокруг бывшего Московского митрополита Макария»¹⁸. Тучков писал: «В Угрешский монастырь приезжают разные монахи и живут там продолжительное время... По имеющимся сведениям, Филиппова [Матрена Филиппова – бывшая сподвижница Иоанна Кронштадтского. – *Примеч. ред.*] имеет связь с заграничными монархическими организациями»¹⁹. Об этой агентурной разработке Тучков докладывал 10 ноября 1924 года начальнику Секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерibasу.

Также визит Патриарха подтверждает для нас тот факт, что Угрешский монастырь сохранил свою верность «тихоновской церкви», не уклоняясь в обновленческий раскол, взволновавший церковную жизнь в 1920-е годы, последствия которого продолжались вплоть до послевоенных лет. Атеистическая власть, желая уничтожить Церковь Христову, генерирует раскол, в идеологическую основу которого ложатся либеральные течения в религиозных воззрениях. Свидетель того времени архимандрит Феодосий (Алмазов) писал о раскольниках: «обновленцы» принизили, обмирщили небесный идеал христианства»²⁰. Эти же идеи отражены в мыслях митрополита Вениамина (Федченкова). Называя их «живоцерковниками», по имени группы священника В. Красницкого, владыка пишет: «“живоцерковники” побеждены духовно, в душе испорчены, “развращены”, как говорил апостол Павел...»²¹. Да и «митрополит» Антонин (Грановский), первый глава обновленческой церкви, охарактеризовал своих собратьев со свойственной ему резкостью так: «Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков»²².

После того как в 1923 году Патриарх Тихон был освобожден из-под ареста, он начинает активно служить в московских храмах, тем самым нанося явный удар по обновленческому расколу. Обычно эти храмы сохраняли верность «тихоновской церкви», а если и уклонялись в обновленчество, то после принесения покаяния и переосвящения престолов храма, общины переходили в ведение Патриарха. Обновленец А.И. Введенский говорил в те годы о Патриархе Тихоне: «его теперь в Москве на каждом углу засыпают цветами, никогда до ареста он не пользовался такой популярностью»²³.

Служение святителя Тихона в Угрешском монастыре становится явным подтверждением верности обители Патриарху. Хотя обновленчество носило явно антимонашеский характер, находились обители, уклонявшиеся в этот раскол. Например, «в Белоруссии обновленческий раскол поддержали Бельничский монастырь, часть сестер Буйничской обители Могилевского уезда, Тупичевский женский и Пустынский мужской Мстиславского уезда, а также витебский Марков и нельский Преображенский монастыри Витебского уезда. Остальные монастыри были отмечены как “крайне реакционно настроенные” в отношении обновленцев»²⁴.

Таким образом, исторические источники XIX–XX столетий, передавая живую атмосферу того времени, позволяют восстанавливать литургические традиции русских обителей, обогащая современную богослужебную жизнь драгоценным наследием русского монашества.

¹ Куроедов В.А. Религия и Церковь в советском государстве. М., 1982. С. 62.

² Цытин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 338.

³ Петрученко О. Латино-русский словарь. М., 2001. С. 652.

⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определения и постановлений. Вып. 4. М., 1918. С. 3–43.

⁵ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 298.

⁶ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. V. С. 64–65.

⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определения и постановлений. С. 31–43.

⁸ *Сергий (Спаский), архиеп.* Полный Месяцеслов Востока. Т II. М., 1997. С. 377.

⁹ *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 413.

¹⁰ *Черкасова С.А.* Русские службы рождеству святителя Николая // Угрешский вестник. 2006. № 3. С. 73.

¹¹ Угрешская летопись // Николо-Угрешский вестник. 1992. № 10. С. 2.

¹² [Благово Д.Д.] Архимандрит Пимен. Биографический очерк настоятеля Свято-Никольского Угрешского монастыря. Николо-Угрешский монастырь, 1998. С. 549.

¹³ *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 2004. С. 355.

¹⁴ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М., 1995. С. 240.

¹⁵ *Вострышев М.* Указ. соч. С. 355.

¹⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 230. Л. 27.

¹⁷ *Краснов-Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 402.

¹⁸ Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М. – Новосибирск, 1997. С. 439.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Феодосий (Алмазов), архим.* Мои воспоминания. М., 1997. С. 52.

²¹ *Вениамин (Федченков), митр.* «Послужи народу...». Два сорокоуста. М., 1999. С. 28.

²² *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Указ. соч. С. 190.

²³ Там же. С. 319.

²⁴ *Шиленок Д., свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). М., 2006. С. 33.

Сохранение и развитие традиций зосимовского старчества в Высоко-Петровском монастыре в 20–30-х годах XX века (к 700-летию Высоко-Петровской обители)

Балашова Е.Г., сотрудник Синодального отдела религиозного образования и катехизации, аспирант кафедры истории историко-филологического факультета Российского православного университета

Сколь ни труден монашеский путь во дни церковного мира, много труднее он в годы, когда Церковь становится гонимой. Многие старцы говорили, что главное делание инока – молитва и никакие земные попечения не должны отвлекать монаха от этого делания. Сколь же возрастает духовный подвиг монаха, который во всей полноте совершает свой молитвенный труд в условиях, когда, кажется, весь мир со всеми своими невзгодами, бурями и войнами обрушивается на него. И не укроешься от него за монастырскими стенами – стены эти отбирают, оскверняют, разрушают; не припадешь со слезами к дорогим сердцу духовным наставникам – их убивают, сажают в тюрьмы, изматывают непосильным трудом в концлагерях; не уединишься для тихой молитвы, если совершаешь свой монашеский путь тайно, в миру, или сам находишься в тюрьме, где вокруг убийцы и воры, грязная брань и ненависть,

стоны и хохот... Остается только Бог. «Один Бог да душа – вот монах» – как сказал еще святитель Феофан Затворник. И тогда приходят в сердце и исходят из него, освещая путь многим ищущим духовного утешения чадам, слова: «Слава Богу за всё случившееся – это одно можем сказать! С Ним везде хорошо, и на Фаворе, и на Голгофе!»¹. Это строки письма из заключения к духовным чадам преподобномученика Игнатия (Лебедева), одного из последних старцев Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря.

Заходя с улицы Петровка в древний Высоко-Петровский монастырь, основанный святителем Петром Московским еще в XIV веке, видя старейший здесь собор во имя святителя Петра, 500-летие этого храма мы отмечали в этом году, храмы петровской эпохи – Боголюбской иконы Божией Матери, преподобного Сергия Радонежского и другие, мало кто задумывается, что, возможно, самые славные страницы в истории обители были написаны в XX веке, а точнее, – с 1923 по 1935-й годы. Многие монастыри, закрывшиеся в годы безбожной власти, просияли именами святых новомучеников, но немногие сумели сохранить полнокровную монастырскую жизнь в суровых условиях тех лет. До нас дошли документы, а также воспоминания людей, бывших духовными чадами тех столпов Православия, которые стали преемниками старцев Оптиной и Зосимовой пустыней, сохранивших удивительный дух старчества вплоть до разгрома общины Высоко-Петровского монастыря в 1935 году.

В начале 1923 года большевиками была закрыта Свято-Смоленская Зосимова пустынь, и епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов), незадолго до этого назначенный настоятелем храмов Высоко-Петровского монастыря (как монастырь обитель была закрыта еще

в 1918 году, к 1923 году у верующих оставался только храм преподобного Сергия Радонежского, остальные были закрыты), пригласил оставшуюся без крова братию Зосимовой пустыни – тех, кто сможет устроиться с жительством в столице, – во вверенную ему обитель. Владыка Варфоломей был духовным чадом старцев-зосимовцев – последнего настоятеля Зосимовой пустыни схиигумена Германа (Гомзина), а после его смерти – иеросхимонаха Алексия (Соловьева), ныне прославленных Православной Церковью².

Владыка Варфоломей был пострижен в Зосимовой пустыни в 1911 году и всю жизнь продолжал оставаться верным чадом зосимовских старцев. Он искренне любил всё, что связано с православным богослужением, любил духовный труд и молитву. Вот, что вспоминает о нем известный философ Алексей Федорович Лосев, который вместе с супругой изучал под руководством отца Варфоломея семитическую филологию: «Я наблюдал его на богослужении в Зосимовой пустыни. С 11 вечера до 7 утра в церкви: полунощница, утреня, литургия. У него были противники, которые говорили о нем разное. Но я видел его в пустом храме, и я видел, как он стоит на амвоне и отвешивает поклоны – 300 поклонов, трехсотницу, или пятисотницу...»³.

10 августа 1921 года, в день празднования Смоленской иконы Божией Матери, Святейший Патриарх Тихон в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря совершил хиротонию отца Варфоломея во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. Сергиевской кафедры прежде не было, поскольку Сергиев Посад не был городом. Владыка Варфоломей стал первым архиереем на вновь образованной кафедре. При рукоположении его во епископа и вручении архиерейского жезла, Святейший Патриарх сказал ему: «Тебе Господь

дал женское сердце. Сердце женское умеет сострадать, быть милостивым и брать на себя чужое горе... Твой путь – нести скорби народа Божия»⁴. Эти слова определили характер пастырского служения владыки, его жертвенность, его трепетную любовь к духовным детям.

Став настоятелем Высоко-Петровского монастыря в 1922 году, владыка сразу ввел здесь монастырский уклад по примеру Зосимовой пустыни. А через год пригласил сюда оставшихся без крова зосимовцев.

По благословению старца Алексия, братия приняла приглашение владыки. Это стало началом новой духовной жизни обители, в которую зосимовские иноки принесли уклад монастырской жизни своей пустыни; началом подпольного монастыря, главной задачей которого стало продолжение – в условиях жесточайших гонений на Церковь – настоящей аскетической традиции. Пастырское окормление, исповедание помыслов учеником и его послушание старцу, воспитание смирения перед Богом и друг перед другом – эти основы монашества во что бы то ни стало стремились сохранить духовники.

Шесть бывших зосимовцев: сам епископ Варфоломей; игумен Митрофан (Тихонов); архимандрит Агафон, в схиме Игнатий (Лебедев); архимандрит (тогда еще иеромонах) Никита (Курочкин); в то время еще не рукоположенные, но позже ставшие архимандритами, Зосима (Нилов) и Исидор (Скачков) составили костяк монастыря, вокруг которого сформировалась тайная община. Позднее к ним присоединились их ученики – архимандрит Герман (Полянский), иеромонах Феодор (Богоявленский) и другие. Нередко приходили в монастырь и окормляли своих духовных чад, в том числе монахинь закрытого московского Алексеевского мо-

настыря, иеромонахи Мелхиседек (Лихачев), келейник преподобного Германа Зосимовского, и Иннокентий (Орешкин), не только духовное чадо, но и духовный друг зосимовских преподобных отцов.

Сохранилось воспоминание игумена Митрофана (Тихонова), духовника обители, о последнем богослужении Святейшего Патриарха Тихона в Высоко-Петровском монастыре. 18 июня (1 июля) 1924 года Святейший Патриарх отслужил всенощное бдение в день празднования Боголюбской иконы Божией Матери – престольный праздник одного из храмов обители. Интересно, что уже 3 июля (н. ст.) вышло постановление Президиума Моссовета: «Опечатать все здания культа Высоко-Петровского монастыря и акт опечатания направить в срочном порядке в Отдел Админ. Надзора...»⁵. Впрочем, это был еще не конец – к концу лета братия вернулась в обитель и продолжила служение именно в Боголюбском соборе.

«...Служил как-то всенощную в Петровском монастыре Святейший Патриарх. Монастырь этот был известен в то время своим необыкновенным личным составом, начиная с настоятеля – премудрого епископа Варфоломея (Ремова) и кончая последним послушником. Всё здесь было не как у всех: всё делалось по уставам и святоотеческим заветам и преданиям давно не существующих пустыней и скитов, разгромленных ныне; по каким-то забытым уже всеми и только лишь здесь соблюдавшимся традициям. Служили неизменно – дольше всех, кланялись – ниже всех, выглядели – смиреннее всех. Всё было свято, благолепно и по чину... Даже кадила возжигали и тушили тогда, когда это было положено по Типикону, а не как пономарю или свечкодую взглянется или вздумается... Всенощная прошла прекрасно... и действительно, все служившие,

начиная с самого Святейшего Патриарха (не говоря уже о молящихся), – богослужебной обстановкой Петровского монастыря всегда оставались весьма “утешены”»⁶.

В 1924–1928 годах вокруг духовников формировались общины. 1928–1935 годы стали периодом численного роста сложившихся общин. В начале 1930-х годов число тайных постриженников достигало 170–200 человек (при общем количестве прихожан примерно в 1000 человек). Возможно, это была одна из крупнейших тайных монашеских общин Патриаршей Церкви⁷.

Первые тайные постриги начались в 1926 году. «В условиях нового государственного строя, – писала позже одна из тайных пострижениц обители, матушка Игнатия (Петровская-Пузик), – могла осуществиться та великая идея, которая была сформулирована как *монастырь в миру*. Идея монастыря в миру – идея богочеловеческая: монашество не могло прекратиться, когда упразднены были монастырские стены. Монастырь в миру – монастырь без стен и одежды – мог быть осуществлен теми, кто искал служения единому Богу в своей жизни. Теперь эти незримые для мира иноки должны были, по мысли старцев, нести свое послушание в миру со всей ответственностью и серьезностью, как перед очами Божиими»⁸.

Другая прихожанка Высоко-Петровского монастыря, пришедшая в общину после смерти своего духовного отца – протоиерея Валентина Свенцицкого, также оставила воспоминания о монастыре и о владыке Варфоломее. «...Где бы ни находились служители этого храма, весь дух “Петровского монастыря” оставался тем же. Оставался все тот же строй церковных служб, то же пение и чтение, а главное – та же духовная и глубокая любовь старцев, которую встречала каждая

приходящая душа, желавшая спасения. Можно сказать, что это было настоящее чудо, что в XX веке среди шумной столицы находился такой уголок “Зосимовой пустыни”... Здесь было много хороших пастырей, но главным лицом был Владыка Варфоломей. Он был подобен как бы большому орлу, который парил над всеми и собирал птенцов своих под крылья свои. Каждая душа находила место в его сердце, он имел какую-то особую способность всех вмещать в свою душу. <...> Владыка указал мне трех лиц, из которых я должна была выбрать себе духовного отца...»⁹.

В то время Православной Церкви приходилось выживать в очень тяжелых условиях. Безбожная советская власть хотела уничтожить Церковь любыми средствами – от физического уничтожения священников и архиереев до подрыва веры народа в Церковь через организацию и поддержку раскольнических движений: обновленчества, «Живой» церкви и т. п., через принуждение архиереев и священников к сотрудничеству с органами ОГПУ.

В самом сердце государства, в центре Москвы, в это самое время действует нелегальный монастырь. Это была одна из немногих действующая в течение столь долгого времени монастырская община, жившая полнокровной церковной жизнью, руководствуемая старцами, поддерживающая на богослужениях строгий монастырский устав, тайно от властей даже осуществлявшая духовное обучение как правопреемница Московской Духовной академии.

Настоятель, клирики и прихожане Высоко-Петровского оказывали помощь многим священникам, находящимся в заключении, лагерях и ссылках. Так известно, например, что священномученик Леонид Марийский (Антощенко; 1872–1938), находясь с 1930 года на

каторжных работах по строительству железной дороги между Пинюгом и Сыктывкарком, духовно окормлял христиан, находящихся в лагере: исповедовал и причащал Святыми Дарами, присылаемыми из Москвы епископом Варфоломеем (Ремовым)¹⁰.

В конце мая – начале июня 1929 года был закрыт и Боголюбский собор.

Поводом к закрытию послужило письмо коммунистов, проживавших в общежитии, устроенном в Нарышкинских палатах: «На территории дома № 28 по Петровке находится б. Высокопетровский монастырь, имевший 6 церквей и 4 жилых флигеля. Жилые дома были национализированы по Декрету, а 5 церквей были закрыты в 1922 году... Шестая же церковь и колокольня были переданы в пользование верующим. К сожалению, такая передача церкви является большой ошибкой, так как в этой церкви действительно верующих самое небольшое количество, а заправляют всеми делами церкви и общины архимандрит, попы и монахи б. Петровского монастыря. На бумаге это бывший монастырь, а в действительности он остался по-старому в полной неприкосновенности со всем своим мракобесием... Так в самой церкви не только происходит религиозная служба, но постоянно происходят какие-то собрания и очень часто до часу ночи... Кроме того, этот монастырь имеет разлагающее действие... на все окрестное население... В доме проживают около 600 рабочих и служащих и большинство из них возмущаются деятельностью этих паразитов монахов... В колокола монахи не звонят и их до сих пор не сняли, в то время когда республика переживает острый голод в цветных металлах. На основании всего вышеизложенного мы просим Административный Отдел закрыть последнюю церковь б. Петровского монастыря и по-

мещение церкви передать в распоряжение библиотеки Наркомздрава или под другое применение...»¹¹.

После изгнания из стен родной обители братство Петровского монастыря обрело приют неподалеку – в храме Преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке (ныне не существует), настоятелем которого снова был назначен епископ Варфоломей. А в октябре 1933 года, когда был закрыт и этот храм, петровское братство перешло в храм Рождества Богородицы в Путинках. И все же, несмотря на переходы из храма в храм, тайный монастырь продолжал оставаться все тем же Высоко-Петровским. Судя по письмам и воспоминаниям, община продолжала восприниматься, оставаться «петровской» вплоть до конца февраля – начала марта 1935 года, когда были арестованы владыка Варфоломей, схиархимандрит Игнатий, игумен Митрофан, иеродиакон Филарет и некоторые другие активные участники жизни тайного монастыря. Даже советские власти документально подтверждают это: при арестах в 1935 году, через 6 лет после запрещения богослужений в последнем из храмов обители, было заведено групповое «дело *нелегального Высоко-Петровского монастыря*».

Епископ Варфоломей поддерживал зосимовский монастырский уклад во всех храмах, в стенах которых совершала свое служение Петровская община. Владыка был как бы общим отцом всей большой петровской семьи. Многим он указал путь, к какому именно духовнику идти, судя по духовному устройению каждого из приходящих в обитель. Благодаря пастырскому подвигу владыки Варфоломея, в течение почти двенадцати лет в самом центре столицы безбожного государства сохранялась полнокровная жизнь монашеской общины, ставшей наследницей того пути монашеского

делания, который был основой иноческой жизни Оптиной и Зосимовой пустыней – древней аскетической традиции, действительно делающей человека «иноком» – то есть иным для мира, преображающим свою душу для Бога серьезным ежедневным духовным трудом послушания, молитвы, участия в церковном богослужении, откровения помыслов духовнику и чтения аскетической литературы. В годы гонений на Церковь в монастыре осуществлялись не только постриги мужчин, становившихся иеродиаконами и иеромонахами, но также, и даже в большей степени, тайные постриги женщин, искавших христианского совершенства.

Тайная монашеская община Высоко-Петровского монастыря состояла из духовных семей, образованных вокруг старцев. Духовным отцом самой большой из таких семей был преподобномученик Игнатий (Лебедев). Летом 1927 года для своих духовных дочерей он благословил создать недалеко от монастыря женский скит в честь иконы Божией Матери «Знамение». В скиту должны были находить духовный приют все сестры, вступающие на иноческий путь. Скит располагался в подчердачном помещении дома № 3 по Печатникову переулку (несколько лет назад этот дом был снесен ради строительства крупного торгового центра). Монахиня Игнатия (Петровская), одна из духовных дочерей и первых тайных пострижениц преподобномученика Игнатия, воспоминания которой помогли нам многое узнать о жизни обители, писала позже: «Многие чувствовали себя после пострига зернышками, попавшими в горсть милостивого отца; и зернышкам от этого так светло, тепло и радостно: почему они вдруг взяты от всех других? Они же такие, как и все, может быть, даже и хуже, но они взяты в любовную

горсть... и им отраднo. Так созидался постепенно новый образ жизни, новый человек, инок»¹².

Трудно себе даже представить, что в то время, которое сегодня для многих из нас наполнено только трагическим звучанием, могла протекать исполненная истинной духовной радости монашеская жизнь. Это был особый монастырь, «без стен и одежды», монашество в миру. Необходимым для монаха исполнением послушания становилась та светская работа, которой был занят член тайной общины. «От человека батюшка требовал, – пишет матушка Игнатия, – не только честного, но просто даже ревностного отношения к гражданским и служебным обязанностям, вменяя их как святое послушание. И жизнь наполнялась до краев. Протекая в тех же внешних формах, она получала вдруг иное содержание, иную окраску, все делалось теперь уже во имя Бога и ради Бога – так учил батюшка...»¹³.

Конечно, жизнь тайного монастыря не была безоблачной: клириков и прихожан общины Высоко-Петровского монастыря подвергали арестам, ссылкам, лагерям. Но тайный монастырь жил и благодарно помнил своих духовных отцов – преподобных зосимовских старцев.

2 октября 1928 года преставился преподобный Алексей Зосимовский. На следующий день состоялось погребение старца. «Раннюю литургию в храме свв. апп. Петра и Павла совершает настоятель Московского Высоко-Петровского монастыря епископ Варфоломей (Ремов), в сослужении 10-ти иеромонахов... После поздней литургии, на которой сослужили пять архиереев, состоялось отпевание. На отпевание... епископ Варфоломей не облачался, а взял на себя обязанности распорядителя и хранителя порядка при отпевании»¹⁴. Среди сослужащих на отпевании названы и клирики

Высоко-Петровского монастыря архимандрит Агафон (Лебедев), иеромонахи Никита (Курочкин) и Зосима (Нилов), отец Алексей (Сергеев). «Обилие представителей Высоко-Петровского монастыря объясняется тем, что ранее почти все они были насельниками разгромленной Зосимовой пустыни, а затем приютились под омофором монахолюбивого настоятеля Высоко-Петровского монастыря, епископа Варфоломея (Ремова; “черного аввы” – как называли его)»¹⁵.

Монахиня Игнатия писала о нем: «Владыка Варфоломей – епископ, а позднее архиепископ Московской епархии, был, несомненно, выдающейся личностью и кончил свою жизнь как исповедник и новомученик Русской Церкви в тяжелые для нее годы... его путь – это путь человека, с детских лет отмеченного Богом, одаренного в научном отношении и, главным образом, одаренного живым чувством в поисках пути духовного. <...> Это был человек, внутри которого как бы никогда не угасали огонь любви к Богу, ревность по Богу, радование, горение о Нем. Движения его были решительны, определены, хотя прирожденный жар его души и связывался постоянно со смирением. <...>

Владыка был расстрелян в июне 1935 года, и могила его, место его погребения известно только Богу. <...> Так и стоит образ владыки – огненного и вдохновенного исповедника Христа и Церкви Христовой, страдальца и новомученика, перед внутренним взором всех нас, воспитанных им во Христе и Церкви Христовой...»¹⁶.

Еще одно воспоминание о владыке как о духовнике приводится в книге митрополита Мануила (Лемешевского) (имя написавшей воспоминания в книге не указано). «Узнала я его как епископа и старца, духовного руководителя большой духовной его семьи. Он был

ревнителем полной продолжительной службы и монашеского устава. Любил подпевать народу и певчим, стоя на кафедре во время богослужения... При своей доброте, он часто отдавал последнее, так что оставался сам без четок. В таком случае он укорял себя словами: “Плохой я монах, я даже без четок”. Раздавал и деньги. Он был очень болезненным... Ввиду болезни он не мог управлять епархией, а находился как бы на покое, но трудился неустанно и полагал душу свою как за братию свою, так и духовных чад. К нему я пришла, когда лишилась духовного отца, и он участливо отнесся ко мне и спросил: “Переданы ли мы кому?”... Он говорил, что “откровение помыслов и вообще высказывание всего так необходимо, как необходима отдушина в комнате, куда все и должно уходить”. Как-то раз я открыла ему в письме свой помысел против него. Он взял мое письмо и поцеловал его. Этим он показал свое глубокое смирение и этим смирил мою гордыню»¹⁷.

Своим духовным чадам владыка напоминал о духовном родстве с Зосимовой пустыней. В одном из его писем читаем: «Спаси тебя Господь за панихиду по Батюшке¹⁸, твоим духовным дедушке, да воистину это еще крепче роднит... Усиливайся хранить свет и добро в душе твоей. Молитва, ах, она все может сделать с нами. И ее нужно держать во всю, со всем усилием. Вот почему жаль, когда в тебе ослабевают молитовка. Возгревай ее и принуждай себя...»¹⁹.

После расстрела иеромонаха Мелхиседека (Лихачева) в июне 1931 года, в слове на его заочном отпевании владыка Варфоломей говорил: «По совести сказать, среди нас, духовных детей Батюшки о<тца> Германа, самый преданный, самый проникновенный духовный сын был именно о<тец> Мелхиседек. Никто из нас не

может сравниться с ним в его удивительном благоговении, в преклонении перед душой Батюшки. А Батюшка не только ласкал и гладил по голове о<тца> Мелхиседека (хотя ценил и любил его), – и вспоминается мне, как Батюшка был строг, как не щадил очень его, не щадил в нем многое. И наши духовные дети, которые иногда позволяют себе сердиться на духовного отца, когда им только покажется, что к ним строг духовный отец, пусть постыдятся облика о<тца> Мелхиседека, который с величайшим благоговением научился принимать паче обличения от руки своего духовного отца...»²⁰ «...Он Батюшку [отца Германа] постоянно вспоминал, приводя на память его слова, наставления, примеры из жизни, как заботился он о том, чтобы не прошло мимо поучение от жизни старца нашего. Бывало он говаривал мне перед днями <памяти> о<тца> Германа, а, что Святой Владыко, а вот не приходит ли вам на мысль, что сказать о Батюшке в поучение? И вспомнит какое-либо назидание. Это он побудил меня вспомнить в поучение слова, которыми Батюшка укорял себя: “всех-то я хуже, всех грешнее”...»²¹

После смерти преподобного Германа духовником епископа Варфоломея (Ремова) стал игумен (по некоторым данным – архимандрит) Митрофан (Тихонов). Он был опытным духовником, считался преемником преподобного Алексия Зосимовского. Путь к монашеству его начинался в Гефсиманском скиту, где он пять лет был послушником, а потом, по ходатайству игумена Германа (Гомзина), был перемещен в Зосимову пустынь, где исполнял различные послушания в течение 26 лет.

«На него в Высоко-Петровском монастыре ложилось принятие важных духовных решений, – пишет

матушка Игнатия. – Например, он определял, можно ли такому-то принять схиму, и подобное. Его духовное руководство было простым, тихим и смиренным. Он не любил входить в детали, разбирать помыслы и не благословлял своим духовным чадам их писать. “Что писать, – говорил он, – все одно и то же”. Постоянного твердого правила не давал, заповедью его было: “Будь всегда с Богом”. Постриги в рясофор, когда они случались, никак не обставлял, особой обстановки не создавал: задернет занавески на окнах и пострижет. Но был он великим старцем и прозорливцем, предчувствовал и предсказал Великую Отечественную войну»²².

«Нам бы всем быть, как батюшка Митрофан: и обличает с прямою, но и с кротостию, и утешает в мире и по Божьи», – писал о нем владыка Варфоломей²³. Владыка хотел возвести его в сан архимандрита, однако игумен Митрофан, отказываясь от этого сана, ответил: «Нет уж, Владыко, ты на меня эту шапку (т. е. митру – Б.Е.) не надевай»²⁴.

В 1929 году он был арестован и четыре года был в ссылке. После освобождения вернулся в общину Высоко-Петровского монастыря. Вновь был арестован в ходе разгрома общины в 1935 году и сослан в Каширу.

М.Е. Губонин вспоминал об отце Митрофане: «Духовник Высоко-Петровского монастыря, старец о. игумен Митрофан, весьма почтенный, уважаемый и благодатный старец (он запечатлен на одном из полотен П.Д. Корина в серии картин-портретов “Уходящая Русь”), пользовался огромным почитанием народа. Он был выходцем из Зосимовой пустыни и считался одним из столпов духовного строя Петровского монастыря в период управления последним Преосвященным Варфоломеем (Ремовым). После разгрома монастыря все его лучшие монахи были, конечно, сосланы в разные

концы земли Русской. По-видимому, эта же участь постигла и о. Митрофана.

В середине двадцатых годов, в период тайного воссоздания иерархии во избежание пресечения благодатного преемства в Церкви (т. к. епископат находился в тюрьмах и концлагерях) был упорный слух о том, что о. Митрофан является одним из тайно хиротонисанных архиереев, которые обязаны были до поры до времени скрывать свое епископство, дабы не подвергнуться общей участи с епископами явными.

Было ли это в самом деле так (в отношении о. Митрофана), в наше время, по прошествии многих лет – судить трудно, но что тайных архиерейских хиротоний в те годы было немало – факт несомненный и общеизвестный»²⁵.

Находясь в ссылке, батюшка не оставлял попечения об общине Высоко-Петровского монастыря. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) передавал ему через своих духовных чад поклонны и просьбы о молитве. У него окормлялся архимандрит Исидор (Скачков), который по его благословию взял на себя попечение о духовных чадах почивших старцев – духовников Высоко-Петровской обители отца Игнатия (Лебедева), архимандрита Никиты (Курочкина) и архимандрита Зосимы (Нилова). После кончины архимандрита Никиты был под его духовным руководством и преподобномученик Феодор (Богоявленский) – он практически сразу узнал об аресте батюшки, что и сподвигло его самого начать подготовку к грядущему аресту.

Отец Митрофан был арестован в 1941 году и заключен в тюрьму, из которой уже не вернулся. Дата и причина смерти его неизвестны. Предположительно, он был расстрелян в 1943 году²⁶.

Обращусь еще раз к воспоминаниям Губонина. Вот что он пишет о Высоко-Петровском монастыре: «В последние годы своего существования монастырь прославился особо уставными службами, совершавшимися в нем, и усердно посещался верующими москвичами; монастырские храмы и другие помещения закрывались и отбирались постепенно, пока, наконец, действующим остался один храм (с захоронениями Нарышкиных). Несмотря на то, что все монашествующие жили на частных квартирах, богослужебная дисциплина держалась на высшем уставном уровне, обеспечивавшемся строгими требованиями настоятеля, епископа б. Сергиевского Варфоломея (Ремова), – пребывавшего (по болезненному состоянию) на покое с настоятельством практически несуществующего (кроме одного действующего храма) – монастыря. Состав братии, под стать настоятелю, был необычным: в него вошли некоторые отцы из разогнанной Зосимовой пустыни и неопиты из мирян и, даже, обращенных коммунистов (иеромонах о. Зосима). Упомянем великого аскета, присноболящего старца (и, как говорили, очень строгого духовника), архимандрита о. Агафона (наместника и, кажется, задававшего духовный тон самому настоятелю), иеромонахов о.о. Митрофана и Никиту, иеродиаконов Германа (Полянского Бориса, сына известного миссионера), Алексия (Сергеева, впоследствии печально прославившегося архиепископа), Серафима (Крутедя, закончившего дни свои в сане схиигумена, в Одесском архиерейском доме), среди послушников монастырских было несколько интеллигентных молодых людей: “брат” Аникита, Г.В. Александров, некий Василий Петрович, обладатель обширной конспиративной богословской библиотеки, – окончивший дни свои на Соловках и мн. др.»²⁸.

С разгромом общины Высоко-Петровского монастыря в 1935 году жизнь отдельных его духовных семей не закончилась. Тайные монахи, монахини и бывшие прихожане продолжали окормляться у старцев и клириков обители, которые жили в разных местах Подмосковья. В самой же Москве вплоть до 1979 года продолжалась молитва в Знаменском скиту. Только после кончины старших монахинь этого скита – монахинь Евпраксии и Ксении – оставшиеся перестали собираться для общей молитвы в Печатниковом переулке. Перекинулись ниточки живой связи с тайной общиной и в наши дни: матушка Игнатия – профессор, доктор медицинских наук – по благословению Святейшего Патриарха Алексия II почти в 100-летнем возрасте приняла постриг в схиму, который совершил нынешний духовник братии Высоко-Петровской обители игумен Петр (Пиголь). Автор статьи несколько раз общалась с последней из оставшихся в живых постриженец Знаменского скита – монахиней Зинóй (имя в рясофоре – Таисия). Духовные чада воспитанников старцев Высоко-Петровского монастыря занимают сегодня разные посты и трудятся в разных областях, но все с благодарностью почитают память подвизавшихся в обители, передавших в наши руки нити духовного родства с зосимовским старчеством.

¹ *Игнатий (Лебедев), схиархим.* Письма из заключения старца Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря // Альфа и Омега. 1997. № 1(12). С. 100.

² Сам отец Герман был духовным сыном иеросхимонаха Александра (Стрыгина; †1878), старца Гефсиманского скита, который в свою очередь был учеником преподобного Леониды Оптинского. Таким образом, по линии духовного родства зосимовские иноки были прямыми потомками Оптинских старцев.

³ *Бибихин В.В.* Из рассказов А. Ф. Лосева // Вопросы филологии. 1992. № 10.

⁴ *Архиепископ Варфоломей (Ремов).* «Мы владеем всерадостной тайной» // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С. 89.

⁵ ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Л. 101.

⁶ *Губонин М.Е.* Современники о Патриархе Тихоне. Часть III. Машинопись. С. 191. (Из личного архива С.А. Беляева.)

⁷ *Беглов Алексей.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет РПЦ; «Арефа». 2008. С. 47.

⁸ *Игнатия, монахиня.* Старчество на Руси. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1999. С. 72.

⁹ Воспоминания монахини Анны. Машинопись. (Из личного архива Алексея Беглова.)

¹⁰ *Мануил (Лемешевский В.В.), митр.* Русские православные иерархи... Т. 4. С.154.

¹¹ ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Лл. 181, 181об.

¹² *Игнатия, монахиня.* Старчество в годы гонений. – М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2001. С. 156.

¹³ Цит. по: Письма из заключения схиархимандрита Игнатия (Лебедева). Предисловие // Альфа и Омега. 1997. № 12. С. 95.

¹⁴ *Четверухин Илья, прот., Четверухина Евгения.* Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Св.-Троицкая Сергиева лавра. 1995. С. 221–223 // Цит. по: Современники о Патриархе Тихоне. Сост. М.Е. Губонин. – М.: ПСТГ. 2007. Т. 2. С. 589–590.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Игнатия (Петровская), монахиня.* Высоко-Петровский монастырь в 20–30-е годы // Альфа и Омега. 1996. № 1(8). С. 117–120.

¹⁷ *Мануил (Лемешевский В.В.), митр.* Русские православные иерархи... Т. 2. С. 72–75.

¹⁸ Схиигумене Германе (Гомзине).

¹⁹ Из личного архива Алексея Беглова.

Содержание

²⁰ *Варфоломей (Ремов), еп.* Слово на заочное отпевание отца Мелхиседека // Альфа и Омега. 2000. № 1(3). С. 105.

²¹ Там же. С. 107.

²² *Игнатия, монахиня.* Старчество на Руси. С. 74.

²³ Письмо епископа Варфоломея неизвестному адресату (Из личного архива Алексея Беглова.)

²⁴ *Монахиня Игнатия.* Старчество на Руси... С. 223.

²⁵ *Губонин М.* Современники о Патриархе Тихоне. Часть III. Машинопись. С. 498. (Из личного архива С.А. Беляева.)

²⁶ База данных ПСТГУ.

²⁷ *Губонин М.* Современники о Патриархе Тихоне. Сборник печатных, рукописных и устных воспоминаний в двух томах. Т. 1. Машинопись. Москва, 1965. С. 21. (Из личного архива С.А. Беляева.)

Святоотеческое предание в современном монашестве 3

Иеромонах Николай (Сахаров),

насельник Иоанно-Предтеченского мужского монастыря (Эссекс, Великобритания)

О святоотеческом предании в современном монашестве на примере архимандрита Софрония (Сахарова) 9

Игуменья Афанасия (Силкина),

настоятельница Рождества Богородицы женского монастыря (Ростов Великий)

Женское монашество на Руси 16

Игуменья Викторина (Перминова),

настоятельница Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря (Москва)

Богослужение в монастыре: для братии или для паломников? 54

Иеромонах Иов (Чернышев),

насельник Николо-Угренского ставропигиального мужского монастыря, кандидат богословия

Возрождение литургических традиций в русских монастырях 71

Балашова Е.Г.,

сотрудник Синодального отдела религиозного образования и катехизации, аспирант кафедры истории историко-филологического факультета Российского православного университета

Сохранение и развитие традиций зосимовского старчества в Высоко-Петровском монастыре в 20–30-х годах XX века (к 700-летию Высоко-Петровской обители) 83

Синодальный отдел по монастырям и монашеству
Русской Православной Церкви

ПРЕЕМСТВО СВЯТООТЕЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В МОНАШЕСТВЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

XXIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ЧТЕНИЯ

Региональный этап

1 декабря 2014 года

Донской ставропигиальный
мужской монастырь г. Москва

Выпускающий редактор – Екатерина Орлова
Редактор – Наталия Шапошникова
Корректор – Елена Володина
Компьютерная верстка – Ольга Гришина
Фотограф – Леонид Новиков